

Максим САБЛИН

«Верь в мечту, даже если ты совсем уже большой мальчик, не бойся показаться смешным».

Анна Штаер, главный редактор журнала «Жить интересно!»

КРЫЛАТЫЕ КАЧЕЛИ

Городская проза

Максим Саблин

Крылатые качели

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Саблин М. Т.

Крылатые качели / М. Т. Саблин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-112736-7

Федор хочет вырастить сына мужчиной, а не опекать его как тепличный цветок. Но в воспитание внука вмешивается бабушка – властелин подушек и душитель сквозняков. Сладить с тещей нелегко – в мире нет материала крепче, чем убеждения старой женщины. Федор не сдаётся, однако позиции его слабеют с каждым днем. Красавица жена отказывается ему помогать и уходит. С сыном ему запрещают видеться... Федор начинает настоящую войну против жены и тещи и идет защищать права отца в суд. Вопрос лишь в том – выиграет ли он? Сможет ли вернуть свою жизнь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112736-7

© Саблин М. Т., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	8
3	10
4	11
5	13
6	15
7	17
8	19
9	21
10	22
11	24
12	26
13	28
14	30
15	32
Часть вторая	34
16	34
17	36
18	37
19	38
20	40
21	41
22	44
23	46
24	49
25	51
26	54
Часть третья	55
27	55
28	57
29	58
30	61
31	63
32	65
33	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Максим Саблин

Крылатые качели

Все имена и события, описанные в книге, являются вымышленными, любое совпадение случайно и непреднамеренно.

© Текст. Максим Саблин, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

Часть первая

1

Всем, кто избрал трудную, но почетную профессию мореплавателя: юнгам и штурманам, капитанам и их помощникам, механикам и простым матросам, грузчикам, кочегарам и подмастерьям, плотникам, парусным мастерам и кокам я посвящаю этот роман.
«Призрак и миссис Мьюр»

Федор Ребров, известный московский адвокат, был добродушным маленьким толстяком с умными светло-кариими глазами. Каждое утро он вертелся перед икеевским зеркалом в прихожей, брызгал волосы лаком и надевал дорогой костюм. Одевшись, он целовал высокую красавицу жену, ерошил светлые волосы сына и ехал на работу.

В юности Федор Ребров мечтал о другой жизни. Он считался одаренным физиком и мечтал полететь к звездам.

Поступив на юридический факультет Московского университета, он не переживал о былых мечтах и только изредка вздыхал, глядя в ночное звездное небо. К тридцати годам, раскидав дела и устаканив жизнь, он огляделся по сторонам и вдруг заметил, что сын его расхотел мечтать.

Иннокентий был к тому времени толстым семилетним мальчишкой, ходил с большим ранцем в первый класс и на вопросы отца о мечте удивленно спрашивал: «Зачем?» Не особенно зная, как растормошить маленького умника, Федор твердо решил записать сына на велоспорт. «Мечтать, может, не научится, но точно похудеет!» – решил адвокат.

Он договорился с университетскими друзьями, писателем Мягковым и прокурором Богомоловым, устроить на велотреке в Крылатском детскую гонку, а заодно показать сына своему старому тренеру.

2

Третьего сентября две тысячи тринадцатого года погода в Москве стояла пасмурная и холодная. Федор, накинув на плечо спортивную сумку, выскочил из офиса и, мельком заметив нищих у ворот Богоявленского собора, быстро прошел к старинному скверику на другой стороне Спартаковской.

Деревья после утреннего дождя блестели от влаги. По дорожкам сквера прогуливались клерки. Протяжно пиликал светофор. Иннокентий в дутом пуховичке-перевертыше и резиновых сапожках гонял голубей у памятника Бауману. Теща Федора, маленькая худенькая бабушка, полная тревог и заблуждений, сидела на скамеечке и, постукивая веточкой по бантику башмачка, зорко наблюдала за происходящим. Недоумова Эрида Марковна в своем зеленом пальто с меховым воротником и чуть набекрень сдвинутой колокольчиковой шляпой с розой имела невинно-чарующий взгляд Греты Гарбо.

– Ох-ох, здравствуйте, Федя, – сказала она, растягивая губы в улыбке.

– Здравствуй, Эрида Марковна.

Федор присел на корточки перед сыном и ослабил ему туго завязанный шарф. Коротко объяснив дело, Федор взял Иннокентия за руку и повел к низенькому чугунному заборчику, за которым блестел каплями воды черный «мерседес».

Сын скакал на одной ножке. Щеки его покраснелись, изо рта клубился пар, красная шапка с пампушкой съехала на глаза. Когда Федор уже раскрыл блестящую дверцу машины, к ним подбежала Эрида Марковна и, цепко схватив мальчика за рукав, сказала:

– Я запрещаю велоспорт!

«Кто бы сомневался!» – подумал Федор.

Слово Эриды Марковны имело большой вес в их семейном парламенте, в дебатах она не участвовала, но, несмотря на это, нескромным образом пользовалась своим гегемонством. Федор вспомнил, как смеялся с друзьями: «Вы думали, старая больная женщина из дремучей деревни старообрядцев ни при каких условиях не способна определять жизнь выпускника Московского университета, человека довольно прогрессивного и здравомыслящего? – говорил он, улыбаясь. – Еще как способна! Стоит любимой жене вослед за своей мамой повторить: „Я запрещаю“, как все твои идеи по воспитанию сына катятся в тартарары! Да-да! Таков закон!»

– И как вам вместе жить? – спрашивал Мягков. – Как тогда воспитывать сына?

Впрочем, в этот раз Федор, давно зная мнение Недоумовой, имел в рукаве козырь.

– Эрида Марковна, я договорился с Пелагеей, – спокойно сказал он, рассеянно разглядывая розу на шляпе тещи. – Мы, *родители мальчика*, решили отдать Иннокентия на велоспорт, – мягко сказал он. – Пожалуйста...

– Пелагея *мне* ничего не говорила! – перебила Недоумова.

Теща не выпускала рукавчик Иннокентия из своих коротких пальцев, намекая на необходимость звонка *ей* от самой Пелагеи. Скрывая досаду, Федор сильно пнул желтый камушек и проследил, как, стуча и вертясь, тот проскакал по асфальту, булькнув в мутную лужу. Взглянув на часы, Федор позвонил жене и передал телефон теще.

Эрида Марковна повернулась спиной и заговорила в трубку, ошибочно думая, что ее не слышат. «Куча потных мужичков едут друг за другом, разбиваются, ломают себе спины. Ничего себе перспектива для ребенка! – возмущалась она. – А водить кто?.. Ты??? Скажи, что Иннокентий покашливает!»

Через минуту Пелагея своим красивым низким голосом сообщила Федору, что запрещает забирать сына.

– Он покашливает, – сказала она.

Федор проводил взглядом тещу и сына и, сев в машину, поехал в Крылатское, решив, что вечером должен поговорить с женой.

3

Пока машина тыркалась в пробках, Федор дремал. Примерно через час он проснулся и, потянувшись, посмотрел в окно на приземистое здание, похожее на гигантского ската. Неожиданно он почувствовал томление в груди, как бывает, когда после долгих лет скитаний видишь место, где провел долгие годы, был любим и сам любил и навек оставил частицу сердца. Это был построенный к московской Олимпиаде велотрек. Федор почувствовал, как глаза увлажнились, и часто заморгал.

«Мерседес» повернул в лесок, плавно съехал с небольшой горки и остановился у стеклянных дверок, тех, что захлопывались пружиной и вечно норовили прихлопнуть велосипед.

В квадратном холле сильно пахло краской и побелкой. Маляры расстилали полиэтилен у стены, группа бегунов слушала инструктора. Обходя заляпанные лестницы, Федор не удержался и взглянул на стену.

Да, его фотография все еще там висела. Он был худым и широкоплечим, с мечтательным взглядом, чемпионом Европы среди юниоров. Федор вспомнил, как обошел на последнем круге будущего чемпиона мира Капитонова, и довольно крякнул.

Он спустился в темную арку, похожую на цирковой выезд, и услышал знакомый гул колес и запах железа.

4

Илья Мягков, высокий худой парень с хипстерской рыжеватой бородкой, вылитый Клинт Иствуд, оперся вытянутыми руками на бортик легкоатлетического манежа и смотрел на играющих в бадминтон.

Он обернулся и вопросительно взглянул на Федора.

– Покашливает! – хмуро сказал Федор. – Что вообще происходит, Илья? – добавил он, поставив спортивную сумку на бортик. – Почему детей воспитывают женщины?

Илья посмотрел с таким видом, словно думал про себя: «Мне бы твои проблемы».

– А что собой представляет теперь мужчина, Федя? – спросил Мягков, вытягивая шею из жавшего ему воротника рубашки. – Все на свете открыто. Наша жизнь известна с самого первого дня и до последнего. Мы только и думаем, где бы найти работу постабильнее, – вот что есть мужчина. Скучота! Цивилизация размягчила нас. А попробуй выбрать мечту, так какая-нибудь старая больная Кизулина...

Илья, улыбнувшись, взглянул на Федора. Старая больная Кизулина была тещей Мягкова и родной сестрой Эриды Марковны. Немезида Кизулина отличалась от сестры только тем, что была депутатом Госдумы и главой комитета по семейной политике, детству и материнству.

– Ладно, а где наш Плохой? – спросил Федор, оглядываясь и размышляя, почему ему всегда так хочется позлорадствовать над Петькой Богомоловым.

– Пишет свои притчи! – засмеялся Илья Мягков, засунув руки в твидовый пиджак.

В Московском университете их троицу называли как в фильме Серджионе Леоне: Хороший, Плохой, Злой. И правда, прищуривая глаза, Мягков становился Иствудом, Богомолов с курительной трубкой – вылитый Ван Клиф, а Федор бывал не в меру суетлив, как и Уоллак.

Началось все с Мягкова, когда старушенция с кафедры конституционного права погладила по голове широкоплечего высокого парня и с умилением сказала: «Какой хороший мальчик!» Студенты, знающие, что Мягков в прошлом никак не был хорошим мальчиком, не могли сдержать смеха. Впрочем, он посмотрел на них, и смех прекратился.

Со временем университетские ковбои женились, и поезд на Эль Пасо уехал без них.

– Прочти, что он в WhatsApp написал, – сказал Мягков, которому легко передалось злорадование касательно Богомолова. – Не представляю, как Миловидова живет с ним? – Илья по старинке называл Анну студенческой фамилией.

Федор нажал зеленую иконку, открыл их чат, где на аватарке были Вицин, Никулин и Моргунов, стоящие у пивного ларька, и прочел два сообщения от Богомолова. Вначале шла бесконечно скучная притча о том, что нельзя отменять договоренности с друзьями. Федор, зевая, прочел ее. Во втором сообщении писалось, что Богомолову надо завтра в шесть вставать и он отказывается от договоренности на вечер. В этом был весь Петька.

– Не обвинил – и то хорошо, – сказал, хмыкнув, Федор.

Им обоим было неловко обсуждать друга в его отсутствие, но очень хотелось. Став большим человеком, Богомолов, и раньше странный, превратился в совершенно невыносимого. Пару месяцев назад он со страшной обидой, как все было в нем – черное или белое, обвинил их обоих в предательстве по причине столь мелкой, сколь и курьезной. Он пригласил их по старой университетской традиции в лучшую баню Москвы. Лучшая баня Москвы странным образом всегда кочевала в то место, где проживал Богомолов. Когда друзья вежливо намекнули на это Петьке, то были прокляты им, и он парился один.

– Так, а ты дописал свою книгу? – спросил Федор.

В это время из маленькой будки подошел мужчина-администратор и уточнил про аренду нижнего манежа. Федор несколько минут говорил с ним.

– Не дописал, но допишу, – сказал Мягков, когда Федор освободился. – Ты мне лучше скажи, где новые Беллинсгаузены и Колумбы? Где те безумцы, что готовы променять мягкую постель на корабельные койки? Ты? Я? Петька? Женя Грибоедов?

– А может, мы и есть новые Беллинсгаузены и Колумбы? – миролюбиво заметил Федор. – Достал ты с моряками. Жизнь – другая.

Мягков, взъерошив пятерней бороду, отвернулся. После окончания юрфака друг Федора решил стать писателем и, к ужасу своей тещи, твердо следовал курсу. Уже восемь лет он писал роман про безумца-моряка, что построил из дуба кораблик, посадил туда жену, маленького сына и двух зеленых попугаев-неразлучников и поплыл – где рекой, где морем, где волоком – из Москвы в Австралию. Безумец-моряк как раз думал, как декларировать попугаев на таможне: новый Беллинсгаузен-Мягков забыл их привить.

«Странные люди эти писатели, – думал Федор, глядя на друга, грызущего ноготь. – Нью-йоркских банд давно нет, но каждый год появляется роман об Аль Капоне. Жизнь поменялась. Люди арендуют яхты и летают на самолетах, люди работают юристами и программистами. Какие моряки? Время великих открытий кончилось!»

Оба молчали, продолжая думать каждый в своем направлении. «Писал бы лучше сценарий своей жизни», – думал Федор, осуждая безработность друга.

«А я верю в мечту», – мысленно возражал Илья, считая юриспруденцию пустой тратой жизни.

5

«Пора начинать, – решил Федор и огляделся в поисках Анж. – Черт, детский праздник без своего ребенка имеет привкус горечи».

У теннисного стенда он заметил высокую тонкую девушку в синих джинсах, жену Мягкова. Кира была рыжеволосой красавицей с голубыми глазами и веснушками. Она оживленно разговаривала с Изабеллой Недотроговой, неуверенной женщиной, рано утратившей свежесть. Женщина была первой женой Петьки Богомолова, лучшей подругой Пелагеи и классной руководительницей Иннокентия. «И как она научит моего сына математике? – подумал Федор, скривившись. – Она же неспособна разобраться, в какую сторону открывать дверь в магазине». Белла натужно улыбалась словам подруги (Кира всегда говорила только о своей дочери) и, близоруко прищурившись, оглядывалась по сторонам.

Около них козочкой прыгала дочь Мягкова – Анжела, наряженная как принцесса. Взглянув на нее, Федор почувствовал небольшое раздражение: девочка почему-то напоминала ему Эриду Марковну.

Послышался свист – администратор в противоположном конце зала поднял над головой маленький велосипед. Федор кивнул и вдруг заметил почти прямо перед собой на бордюре Женьку Грибоедова. В любой компании всегда есть совершенство, интеллигент, хулиган и алкоголик. Богомоллов в их университетской компании был горе-совершенством, Федор считался как бы интеллигентом, Мягков когда-то был хулиганом, а Женя и сейчас был настоящим алкоголиком.

Грибоедов, по кличке Гриб, смиренно сидел, положив одну тонкую мосластую ногу в истертых джинсах на другую, и резко дергал головой. Он щурился, оттягивал пальцем веко, пытаясь рассмотреть Федора с Мягковым, но не узнавал.

Женя Грибоедов был лучшим студентом курса, однако ум и ром постепенно убивали его. Он все еще жил в сталинском доме на Ломоносовском, окруженный шкапами, набитыми книгами по немецкой классической философии. Первую комнату он сдавал студентам, во второй ютился сам. В своей комнате слушал русский рок, а на кухне пил. Знакомые, встречая в магазине опухшего Женьку, редко узнавали его. Ничего в нем больше не напоминало прежнего философа и поэта, который когда-то наизусть цитировал «Гамлета».

К Илье и Федору подошли Кира и Изабелла. Гриб тоже подошел к приятелям, обнял каждого, тыча щетиной, и начал говорить о постороннем. Недотрогова, покраснев, отвела его назад, на его место, и усадила.

– Илья, зачем мы приехали? – спросила Кира. – Из детей на празднике только Анж. А у меня завтра важный судебный процесс, я...

– Молчи, женщина, – перебил он.

– Что-о-о??? – возмущенно воскликнула Кира.

В прошлый раз после такого же «Что-о-о???» Мягков запустил в жену глобус, а сам получил по лбу утюгом, хорошо что холодным.

Федор печально переглянулся с Недотроговой и сказал:

– Послушай, Кира, да кто ж мог знать? Мы попытались, разве этого мало? Мы же встретились, поговорили. Счастье! Ну не смог я привести Иннокентия! Он серьезно болен! – закончил он, зная по опыту, что никогда, никогда, никогда, никогда не нужно быть искренним в разговорах с подругами жены.

Кира, а следом и Анжела строго посмотрели на Федора. Устав стоять, Федор оглянулся и уселся на бордюр, рядом со своей сумкой. Минуту он понаблюдал за игрой бадминтонистов и повернулся к тоненькой высокой девочке.

– Анж, – сказал он доверительно. – Я сам сгоняю с тобой три круга, но, чтоб сравнять шансы, буду ехать на велосипеде для малышей. Идет?

Девочка настороженно поглядела на мать и получила одобрителный кивок. Через десять минут толстый Федор вернулся из раздевалки, похожий на черную редиску. Он пытался натянуть веломайку на белое пузо, а другой рукой, как бы невзначай, прикрывал нескромно большой в облегающих велошортах зад. Не обращая внимания на обидные насмешки Мягкова, он защелкнул на Анжеле рифленый белый шлем, настроил пониже седло ее детского шоссейника, сам уселся на лилипутский велосипедик, и они встали на стартовой линии.

Мягков весело махнул рукой, и они рванули. Анжела сразу укатила вперед. Она крутила педали так старательно и умилительно, как умеют делать только дети. Она широким хватом держалась за громадный руль и испуганно смотрела вперед. Федор гнал за ней. «И зачем я все это делаю?» – наигранно ворчал он, в душе довольный и счастливый. От избытка чувств, он непрестанно дзинькал детским звонком и быстро догонял девочку.

У бегового манежа собралась толпа зрителей.

Анжела, заметив рядом бешено мельтешащие колени дяди Феди и его счастливое сияющее лицо, поняла, что ее обгоняют, закрутила педали еще старательнее и минуту спустя пересекла финиш первой.

Кира позже сделала выговор Федору, что тот едва не обогнал маленькую девочку. Но он на это только глупо пожал плечами и опустил глаза.

Мягков подошел к вспотевшей, раскрасневшейся дочери, поднял ее под мышки и поставил на пьедестал. Анжела блестящими глазами обвела зал. На нее смотрели, улыбаясь, родители детишек из секций, мощные велогонщики-спринтеры, элегантные бадминтонисты. Мягков повесил ей на тонкую шею ленту. Анжела прижала медаль к груди, спустилась с пьедестала и под громкие аплодисменты подбежала к матери.

Федор, катаясь взад-вперед на велосипедике, смотрел на часто моргавшего Илью Мягкова, на то, как обнимаются Анжела с Кирой, и думал об Иннокентии. Он мог понять Кодекс Хаммурапи, Дигесты Ульпиана и даже Закон об ипотеке, но логику Недоумовой понимать отказывался.

6

Рыжая Кира Мягкова, смешно расставляя локти, пробилась через толпу к манежу. Умилительно сложив руки у груди, она наклонила голову набок и улыбнулась Федору. Анжела в точности повторила все движения матери и, наклонив голову, тоже улыбнулась Федору.

– Молодец, Анж! – сказал он и пожал ее тонкую ручку.

– А не поехать ли нам в кабак? – предложил подошедший Мягков.

Кира посмотрела на свои золотые часики и перевела взгляд на Федора. Накидывая на ходу косуху с вышитыми красными сердечками, подошла Изабелла. Гриб, следуя за ней, паузными нервными пальцами расчесывал бороду. Судя по тоскливому выражению его лица, сердечки, заполнившие жизнь жены, не делали его счастливым.

Через головы толпы Федор увидел, как на треке, лязгая железными сегментами, тронулся, быстро удлиняясь, состав из маленьких гонщиков в громадных шлемах. Как и полагалось на треке, они ехали против часовой. Это заканчивалось занятие семилеток. Один малыш в очках почти лежал, чтобы достать до руля. Смеясь, болтая и переглядываясь, теряя пары и получая нагоняи, дети проехали круг. Вдруг рядом послышался писклявый голос:

– Это тот самый Ребров? Да этот толстяк мог обогнать Капитонова, только если Виктор бежал с велосипедом над головой!

Послышался громкий смех. Федор, нахмурившись, опустил взгляд и увидел за бордюром группку накачанных подростков в велоформе, с невежливым сомнением разглядывающих его телеса. Говоривший был сильно высокий, дистрофичного вида парень лет пятнадцати, с руками словно плети и тонкими мосластыми палочками-ножками. Рядом с ним стоял невысокий старик с глубоко посаженными глазами. Подтянув штанину, он поставил ногу на бордюр и весело поглядел на Федора. Это был главный тренер сборной России по велоспорту на треке Соломон Волков, когда-то тренировавший Реброва и Капитонова.

– Ребров тебя и *в таком виде* обгонит без всякого сюрпляса¹, – сказал он, хитро улыбаясь.

– Меня? – воскликнул, покраснев, парень. – Пусть попробует! – добавил он заносчиво. – Я действующий перворазрядник, а толстяк... На что можно надеяться в его возрасте?

Он покрутил головой, разминая шею и плечи. И, неуверенно улыбнувшись, лениво отмахнулся от Федора и отвернулся к группке приятелей, которые с интересом смотрели на тренера, ожидая продолжения спора и готовые засмеяться какой-нибудь новой шутке.

– Мастера спорта международного класса бывшими не бывают, Кузя, – сказал наконец старый тренер. – То, о чем ты мечтал всю жизнь, он уже сделал за завтраком и даже не отметил галочкой в ежедневнике. Будь этому парню хоть восемьдесят лет, чемпионский характер у него не отнять. Федор, примешь вызов?

«О боже, не так быстро!» – подумал Федор. Все ждали его ответа. Анж, прижимая медаль, посмотрела на него с надеждой. Федору было стыдно перед тренером, что он толстый и неуклюжий, но старого тренера, казалось, это веселило.

«Детский сад, – подумал он. – Я давно перерос эти вызовы. Кто я в свои тридцать лет? Машина для зарабатывания денег. Я плачу коммунальные платежи. Я забыл, как прибавить гвоздь, а они хотят, чтоб я построил звездолет. Я застреваю в двери машины, а они просят меня взобраться на Эверест. Зачем мне ставить под угрозу свое достоинство? А если не получится?»

Он с мольбой взглянул на Киру, которая в этот момент, держа во рту резинку для волос, собирала рыжие волосы Анжелы в хвостик.

– Федор, зачем тебе глупый риск? – сказала она. – Посмотри на себя. Ты толстый, мало-спортивный человек. Твое место на диване у телевизора, в кофейне с пирожным, в машине

¹ Сюрпляс – сохранение равновесия на велосипеде без движения. Здесь и далее – *примечания автора*.

с обогревом. У тебя холестериновые бляшки в сосудах. Даже не думай соглашаться, у тебя ничего не получится. Ты свалишься и сломаешь шею. Твое сердце остановится. Игла из велосипеда пронзит тебя насквозь.

Ты умрешь.

Послышался смех молодых спортсменов и гогот старика Волкова. «Спасибо, дорогая Кира, – подумал Федор. – Теперь придется ехать». Ему стало тяжело дышать, сердце сдавило. Он облизнул пересохшие губы и взглянул на Илью Мягкова.

Тот стоял, сцепив руки на груди, рядом с Анжелой.

– «Лежа под периной Да сидя в мягком, славы не найти!»² – сказал, покраснев, писатель.

² Данте. «Божественная» комедия.

7

– Один круг, – сказал Ребров, лениво слезая с велосипеда.

– Девять! – сказал старый тренер и поглядел на Федора и Кузьму своими бесцветными глазами, точно волчьими. – Иначе для Кузьмы нет шансов.

Кузьма и Федор недоуменно посмотрели на Соломона Волкова. Первый от удивления, второй от страха, что ставки подняты вдвое, а денег нет и на одну. «Неужели он верит в меня?» – с радостным подъемом подумал Федор.

Волков же, тренер Реброва с детства, не видел в нем ничего из его былой физической мощи и сказал это число наугад, по привычке набавляя нагрузку. Но также он был уверен, что за этой как бы случайной надбавкой стоит его опыт: чемпионская техника мастеров, отточенная годами занятий.

Разглядывая со светлым чувством сомневающегося толстого несуразного Реброва, Соломон Волков вспоминал, словно выгружая из дальней памяти, как строгий отец привел Федора, еще маленьким мальчиком в шортиках, на велотрек, как тот увлекся тренировками, как плакал за матами, проигрывая, как с благодарностью бросался на шею тренеру, когда побеждал, как, повзрослев, победил великого Капитонова на чемпионате Европы. «Жаль, он бросил велоспорт, но, похоже, в другом он стал чемпионом, – с сожалением и гордостью думал старый тренер. – Но это я научил его тренироваться, я научил его вставать после падений, я научил его побеждать.

Интересно, каков будет его сын?»

Соломон Волков воспитал десятки знаменитых чемпионов и мыслил категориями железных людей, сверхусилий и великих побед. Каждый год к нему приходили мальчишки, потом уходили, и все же надо было продолжать работать. Старый тренер осмотрелся вокруг, увидел вихрастые головы подростков, увидел потешных семилеток на треке и почувствовал гордость за свою работу.

«Черт, я становлюсь слезливым», – проворчал он.

Они все поднялись на трек и, стараясь не мешать детской секции, встали у перил. Кира, усевшись на длинную скамью с бутылочками, прижала Анжелу к себе.

Старый тренер вручил Реброву старую добрую Colnago с лопастными колесами, захлопнул каплевидный черный шлем и помог встегнуть ступни к педалям.

Федор приятно заволновался, поймав знакомый кураж соревнования.

Вдыхая резиновый запах покрытия, он тронулся по нижней плоской части и, набирая разгон, вдруг поймал себя на мысли, что забыл, как ездить. Чувства уверенности не пришло, а вот страхи и ужас от того, что скоро случится, завладели им. Однако проигрывать он не любил. Мимо прокатилась с шумом компания детей. Какой-то малыш в очках удивленно посмотрел на толстяка Федора.

Тот осторожно въехал на наклонную часть трека, где ездили с высокой скоростью и где ему предстояло соревноваться, резко взял вправо и с грохотом повалился на бок. Поднявшись, он оглянулся, увидел насмешливые лица накачанных подростков, трогательные переживающие глаза Анж и, все более раздражаясь на нелепость заезда, погнал велосипед быстрее и смелее. «Да что там, три километра поднапрячься, это пара минут! – раззадоривал он себя, вспоминая ориентиры по времени. – Я только попытаюсь, а там будь что будет!»

Он уверенно разогнался, мельтеша белыми толстыми икрами.

«Как я тут оказался, что я сейчас делаю и к чему это приведет? – подумал он. – Вот и записывай после этого сына на велоспорт!»

Федор поморщился. Он не любил теории о материальности мыслей и прочей эзотерики, но чувства были странными. Он точно знал в этот момент, что как только он крутанет педаль,

то так и помчится вперед, словно огненный шар, разгоняясь все быстрее и быстрее, и ему понадобятся все силы, чтоб не сгореть самому и не опалить близких. Он ощущал всеми клетками тела, что существует маленькое *до*, в котором он жил и готовился все время, и существует огромное *после*, в котором он окажется, крутанув на старте педаль.

Больного кондовым фатализмом Федора поставили на линию старта рядом с Кузей. Старый тренер дунул в блестящий свисток.

В сознании Федора что-то щелкнуло. Забылись одышка, лишний вес, страхи и сомнения. Забылись зрители. Был только он, гонщик на красном велосипеде, и тонконогий мальчишка-соперник – гонщик на белом велосипеде.

Федор ухватил руль нижним хватом, выгнулся горбылем и надавил на педаль, как будто хотел ее сломать. Другой ногой с той же силой он подтянул другую педаль. И совсем скоро постепенно раскрутился-разогнался.

От неуверенности в своих силах он переоценил силы соперника. После первого круга он обгонял Кузю на двадцать метров, после четвертого уже на сто. Зрители, онемев и переглядываясь, смотрели, как толстяк проносится мимо, грохоча колесами, словно бильярдный шар, а Кузя, самоуверенный Кузя, перворазрядник, как ни крутил педали, догнать Федора не мог и растерянно мотал головой. Группка подростков обсуждала технику Реброва.

– Локти, – говорил один.

– Педаляж.

Федор ближе сводил ноги, не высовывал голову, лучше держал локти, эффективнее педалировал. Мелочи складывались в абсолютное превосходство.

Начав девятый круг, Федор вдруг стал задыхаться, почувствовал слабость во всем теле и решил, что умирает. Он сбавил скорость, а на повороте неудачно крутанул руль и грохнулся с велосипеда на бок.словно мальчик на дворовой горке, Федор просвистел на попе вниз, подерживаясь ладонями. Велосипед с крутящимся колесом приземлился рядом.

Кузя объехал его и первым пересек финиш.

Федор испуганно ощупал себя. Форма продырявилась на локтях и правом бедре, шлем раскололся, ягоды жгло от боли. К нему подбежали Кира, тренер и спортсмены.

– Кира, все ты виновата, – проворчал Федор, вытаскивая из разодранной ладони занозы. – Умрешь. Умрешь. Я мог выиграть, если б не слушал женщину!

Мягков, теребя хипстерскую бородку, довольно посмотрел на жену, стройная Кира, сунув руки в джинсы, отвернулась. Волков, поставив велосипед между ног, выправлял погнутой руль.

– Ты просто перестал заниматься. – сказал он, красный от натуги.

– Возьмете обратно? – неожиданно спросил Федор.

Он закончил с ладонью и посмотрел на старого тренера лучистым, безумным и загадочным взглядом.

– Хладопакетов на тебя не напасешься, – пошутил тренер, уже строя планы на сильного спортсмена. – По Иннокентию, завтра детская группа в четыре часа, пусть привозят, а сам давай после работы. – Волков, отдалив на вытянутую руку велосипед, осмотрел его и отдал Кузе. – Кстати, скоро Гран-при Москвы. Выступишь в ветеранах?

– Наверное, нет.

– Там будет Капитонов.

– Точно нет!

– Не ври себе. Будет Капитонов, будешь и ты.

А теперь пошли в медпункт.

Федор попрощался с друзьями и, продолжая говорить с Соломоном Волковым, ушел с трека в темный боковой коридор.

8

Федор приехал в Черемушки поздно вечером. Он зашел в квартиру, разворачивая новую жвачку «Турбо». Вдохнув знакомый с детства фруктовый запах, он сунул ее в рот, рассматривая вкладыш. «Вкус не тот, – подумал он. – И желтая Lamborghini Huracan простовата». Коричневая Lamborghini Countach S годов девяностых из его коллекции вкладышей вроде был красивей. «Ладно, не ной, – пробормотал он, находясь в самом хорошем настроении. – „Двойной удар“ на самом деле простенький фильмец с рейтингом 5,5 по IMDb, но разве это важно, если это было в твоём детстве и ты любил его?»

Федор вспомнил плакат Ван Дамма у себя в детской (разумеется, на шпагате).

– Пелагея, я дома! – крикнул он, услышав в гостиной звук телевизора.

Вешалка была приколочена им высоко, и он приподнялся на носках, чтобы повесить пиджак. Федор был невысокого роста и компенсировал рост высокими целями. «Кто знает, – смеялся он. – Может, и высокая жена появилась не просто так?»

Он прошел в гостиную. Свет был выключен, ярким пятном светился телевизор на стене и маленькая настольная лампа на компьютерном столике у окна. Жены в гостиной не было. На оранжевом угловом диване, положив на прямые ноги подушку, застыл с блестящими глазами сын. Показывали «Гарри Поттера».

Федор уселся рядом, обнял Иннокентия и понюхал его светлые спутанные волосы, пахнущие детским легким потом. Сын был толстым высоким мальчиком с серыми, как у матери, глазами и прямым, как у Федора, носом. Все время после школы он играл в «Майнкрафт», читал «Вселенную Марвел» и смотрел «Супермена», как Федор когда-то играл в супербратьев Марио, читал мир «Мурзилки» и смотрел «Электроника».

– Завтра ты будешь гонять на шоссе, Иннокентий.

– Зачем? – спросил сын и начал кусать большой палец. – Куча потных мужичков едут друг за другом, разбиваются, ломают себе спины. Ничего себе перспектива для ребенка.

– Ого!

Федор улыбнулся и посмотрел на освещенный прожекторами в вечерней синеве Московский университет. Легкий шум отвлек его. В проеме двери стояла жена, Пелагея. Японский черный халат подчеркивал белизну ее длинных стройных ног.

Жена Федора, высокая светловолосая женщина, была красива северной загадочной красотой. У нее были серые глаза, широкие скулы и очень белая кожа.

Говорили, что она похожа на шведку.

Пелагея была выше Федора на голову.

Фамилию мужа, ввиду болезненной ревности к правам мужчин, Пелагея не взяла и осталась Медузой.

Она деловито прошлепала мимо них босиком, держа томик Артура Кларка и не вынимая вставленного между страниц указательного пальца. Отложив книгу на компьютерный столик, она некоторое время смотрела на свое отражение в окне, потом обернулась и устремила на Федора блестящие глаза.

– О чем вы говорили? – сказала она низким, приятным голосом.

– Завтра надо отвезти Иннокентия на велоспорт к четверем.

– Куча потных мужичков едут друг за другом, разбиваются, ломают себе спины. Ничего себе перспектива для ребенка!

– Где же я это мог слышать днем, не напомнишь? Так ты против велоспорта?

– Я уже точно за, – через несколько минут, как будто решившись, ответила Пелагея. – Только я не буду возить его в Крылатское, это же две пересадки в метро и автобус.

– Опять твоя мама? Или ты решила выйти на работу?

Красивая Пелагея передернула плечами и начала сосредоточенно кусать большой палец, что означало «это моя мама» или «это как-то связано с моей мамой». Запахнув халат, она прошла по комнате, заправила светлые длинные волосы за уши, открыв широкие скулы, и уселась в глубокое оранжевое кресло. Федор все это время смотрел на нее.

– Хорошо, в первый раз отвезу я, – сказал он, раздражаясь на эту тихую манеру тещи создавать ему неудобство на пустом месте. – А на будущее мы найдем няню. Если подумать, то можно решить все вопросы. Спасибо тебе, что согласилась на велоспорт.

Пелагея скрестила тонкие руки и остановила взгляд на Федоре. «Любовь – хорошенькое дело, но что потом делать с детьми?» – подумал Федор и взглянул на Иннокентия.

9

Мама пахла теплым молоком, а папа – горьким репейником. Иннокентий весь вечер прождал папу. Да, мама, любимая, надежная, добрая, понятная мама, была рядом. Мама сидела за компьютером, читала книгу, готовила макаронки с сыром, гладила его теплой рукой по голове, но ему хотелось видеть папу.

Непонятного, сильного, веселого папу.

Последние месяцы он хотел быть чаще с папой. Папа задавал всякие чудные загадки: «Почему небо голубое? Почему листья растут?» Папа выдумывал рискованные предприятия: позавчера они втайне от мамы спускались в канализационный люк. Все это было увлекательно и чудно.

Когда «Гарри Поттер» кончился, папа огромными руками схватил Иннокентия за шею, они начали бороться, кататься по дивану, пока не свалились на пол.

Потом, надев на голову старые трико, они наполнили квартиру чудесами и отправились на поиски приключений. Такое умел только папа.

Зал превратился в опасную Индию. Итальянские табуреты оказались волосатыми пауками тарантулами, оранжевый диван стал рекой Ганг, а мама – черной летучей мышью. Иннокентий плавал по бурному Гангу, папа отстреливался от тарантулов черными шлепками. Мама делала вид, что удивлялась и закатывала глаза от страха, пока папа не выстрелил ей в лоб.

Им пришлось спешно бежать из Индии. Папу ранило в ногу маминой книгой, и Иннокентий перетащил умирающего отца за руку в спальню. Спальня превратилась в остров Пасхи в Тихом океане, а кровать была упавшей каменной фигуркой.

– Это место называется Хоа-Хака-Нана-иа! – прошептал папа, пряча Иннокентия «в лесу» за шторой. – Мы должны молчать, или нас найдут рапануйцы!

– Хоа-Хака-Нана-иа! – повторил шепотом Иннокентий.

Они увидели в темноте блестящие глаза друг друга и прыснули со смеху. Иннокентий открыл рот, чтобы рассказать о сменке (его отругали в школе), но папа уже уполз в прихожую, извиваясь как змея.

– Это брусчатка из Парижа в Рубе! – прошептал папа, постучав по ламинату, когда Иннокентий поравнялся с ним. – Здесь проходит старинная велогонка. Сейчас мы возьмем велосипеды, и будет страшно. Ты хочешь?

– Хочу!

– Представь, ты велосипедист со впалыми щеками, трехдневной щетиной и наклеенным на нос пластырем. Ты мчишься по брусчатке, весь в грязи и поту, и обгоняешь стариков Нибали, Фрума и Петера Сагана. Космические корабли бороздят просторы...

– Я влюбился в велоспорт! – крикнул Иннокентий.

Они вползли в велотрек-ванную, уселись на велосипеды-швабры и дважды с грохотом прокатили Париж – Рубе.

Усталый и довольный Иннокентий вернулся в гостиную и уселся на диван. Папа поднял визжащую счастливую маму на руки. Папа с мамой сели по обеим сторонам от Иннокентия и под конец затискали Иннокентия и друг друга.

Наутро папа не вызвал служебную машину, а это значило веселье. Папа посадил Иннокентия в свой «гелендваген» и с ревом докатил сто метров до школы, спрятанной за старыми березами и чугунными прутьями. Уже спрыгнув с высокой подножки, Иннокентий вспомнил и подарил папе фотографию. Он вырезал по контуру свою семью и вписал позади надпись: «Моя мама, я и папа вилогонщики».

– Твоя мама умница! – крикнул папа на прощание.

Машина взревела, и папа, самый лучший папа в мире, укатил на работу.

10

С самого утра день не задался, потому что Федор встретился с тем самым другом-совершенством, который считал своим долгом говорить ему неприятности личного свойства. Самое ужасное в таких встречах было не то, что друг – совершенство, а что он иногда бывал прав.

Федор без пробок выехал с Гарибальди на Ленинский проспект, похожий пасмурным туманным утром на бульвар Монмартр на картине Камиля Писсарро. Утренние лихачи серыми точками пропадали в тумане, неизменно скапливаясь на светофорах. Деревья шелестели от ветра, сбрасывая ночной дождь. Дорога высыхала островками.

Федор открыл окошко и вдохнул осенний воздух, освеживший его. Он планировал пораньше приехать в их адвокатское бюро на Елоховской площади, но позвонил Петька Богомоллов и пригласил позавтракать в «Поль Бейкери».

Зная агрессивную обидчивость старого друга, Федор согласился.

Припарковав «гелендваген» рядом с черным «Лэнд-Крузером», уже вымытым и сияющим, Федор вышел из машины. Петр Богомоллов с женой ждали его у стеклянных дверей кафе-пекарни. Богомоллов смотрел на офицерские часы и одновременно звонил Федору – он был из тех типов, что считают нормальным опоздать на час, но, приезжая первыми, страшно раздражаются. Откровенно говоря, его совершенство было недоработано.

Петр был высоким крупным мужчиной, похожим на индейца. Хищный нос с приподнятыми ноздрями и блестяще-черные трапециевидные усы выдавали в нем человека буйного, даже жестокого нрава. В январе Петр был назначен начальником управления в прокуратуре Москвы, цитировался в «Коммерсанте», пил с префектами и запрещал друзьям его фотографировать. Когда Петр пристально смотрел на Федора своими узкими черными глазами, тот чувствовал, что готов признаться в любом преступлении, даже в убийстве корвейского епископа Вульфария, совершенном в 886 году. А ведь Федор был сам неплохим адвокатом и мало в чем признавался.

Петр обманывал себя, что он стройный, и натягивал маленькие вещицы, трещавшие от каждого его движения. В этот раз он был в обтягивающей грудь черной футболке, брюках защитного цвета и ботинках-гриндерах. Он страшно мерз и дрожал на сентябрьском холоде, но не подавал виду. Таков был Федин друг Петька.

Немного кичась своей успешностью, они крепко обнялись. Анна тихо поздоровалась. Петр в шутку прихватил локтем голову Федора. Ребров, смешно размахивая жирными руками, попытался высвободиться, не смог, а Петр, почти задушив его, перебросил через бедро и, не удержав, с криком «Ай-ай», уронил на сырой асфальт. Обижаться на Петьку было бессмысленно.

– Мягков спрашивает: «А что теперь мужчина?», – сказал Федор, закидывая испачканный пиджак на заднее сиденье машины, и обернулся к Петьке. Петька листал телефон. – Защищать женщин осталось только от них же самих, тут мы бессильны. Брать детей на охоту запрещает закон. Все открыто, и каждый новый день похож на вчерашний. Так что теперь мужчина? Как воспитывать детей? Что делать?

– У тебя кризис среднего возраста, Федя, – сказала Анна, глядя куда-то вниз и вбок.

– Так пора. Вот я и волнуюсь.

– Просто займитесь делом, болтуны. – сказал Петя и подтолкнул Федора ко входу в кафе.

Они сели за круглый столик мраморно-белого цвета, и Федор, заказав яичницу с беконом и кофе, вначале рассказал о себе, потом полчаса выслушивал от Петра, что он слабак, раз не убедил Пелагею самой возить сына на трек, что «гелендваген» в разы хуже «Лэнд-Крузера-Прадо», причем «Прадо» не в новом кузове («мощности там слабоваты», пояснял Петр),

а в старом, который был у Богомолова, и что Мягков никогда не напишет книгу, потому что человек он недисциплинированный.

Федор во всем был не согласен, но пока молчал: переубедить приятеля было все равно что разговаривать с телевизором. И все же Петр был его другом, его лучшим другом, как и Мягков с Грибоедовым. Все они ценили дружбу и старались встречаться чаще, пусть даже место и время выбирал Богомолов. Просто таким был Петька и другим быть не мог.

11

– У Ильи есть большая мечта, и он идет к ней, – произнес Федор и сделал знак официанту, заставшему с подносом у стойки, чтобы тот принес счет. – Анна, может, тебе кофе?.. Нет? Ничего не надо? – Он взглянул мельком на тихую жену Богомолова и продолжил: – Никто же не знает точно, что хорошо, что плохо, что ведет к хорошему, а что – к плохому. Ты думаешь, деньги? Власть? А я начал сомневаться. Я думаю, идти по дороге к мечте – это и есть счастье, пусть дорога трудна и далека, а мечта несбыточна. – Хотя Федор вчера только думал о Мягкове то же, что говорил Богомолов, но, выслушав те же мысли в навязчивом исполнении друга, для которого было верно только одно категоричное мнение (несложно догадаться чье), почему-то захотел возразить.

Петр, чавкая, ел пирожное «Итальянец» и не отвечал. Закончив, он вытер рот салфеткой и взглянул на Федора.

– Ты же знаешь, моя мечта с университета – стать заместителем прокурора Москвы, – сказал наконец он, доедая остатки пирожного. – Я много работал, чтоб дойти до нее. И вот я в одном кабинете от мечты! Вчера должность зама освободилась, значит сегодня я поговорю с шефом. Вот и все, что надо знать о мечте. А не всякое твое «иди к мечте по дороге из слез и печалей, и бла-бла-бла». – Он изобразил пальцами кавычки. – Мягков твой и книги толком не пишет, и в баню с друзьями не ходит, и вообще подкаблучник. Конечно, ему должно быть интересно, что теперь мужчина! – Он повернулся к Анне. – А ты что так вызывающе оделась?

Белая блузка Богомоловой была расстегнута на две пуговицы, открывая белую кожу выше груди и тонкую шею, и, на взгляд Федора, это не было преступлением, но жена Петьки молча застегнулась.

Анна Миловидова, теперь уже Богомолова, была их одноклассницей, второй женой Петьки и матерью двоих его детей. Со времен университета Анна чуть располнела и превратилась в маленькую красивую женщину. Волосы ее были черными, длинными, вьющимися, глаза – зелеными, большими, лучистыми. Она надела на голову легкий русский платок, из-под которого выбился черный локон. Она комкала салфетку на столе и отстраненно смотрела в окно, наблюдая за людьми, выходящими из кафе.

Петр вез ее в школу, которую они выбрали для сына, и несколько раз уже своим тонким гнусавым голосом успел выговорить ей, что она могла бы поехать на метро, а не занимать его драгоценное время. Анна молчала и краснела, и Федор, видя ее дискомфорт, старался не смотреть на нее и сбивал крошки с мраморно-белой столешницы. Еще он боялся засмеяться, встретившись с ней взглядом. Оба они знали Петра другим, всего лишь немного странноватым, себе на уме, молодым человеком, но никак не богом из костей и плоти.

Федор расплатился, но не вставал, ожидая, когда Петька допьет кофе. Анна попыталась было встать, решив, что они уходят, но, посмотрев на мужа, снова села и молча уставилась в окно.

«Как он все смог? – думал Федор, глядя на Богомолова. – В карьере чемпион. Жена слушается. Дети ходят на секции. Теща слово сказать боится. Как?

Может, он ведьма?»

Пока Петр читал в телефоне новости и допивал кофе, Федор обсудил с Анной глобальные изменения в Гражданском кодексе. Давно проходившая в стране и бурно обсуждаемая среди практикующих юристов реформа гражданского законодательства постепенно превращалась в новые редакции. Анна рассказала, что узнала на семинаре «Статута» от Маковской, Новоселовой и Сарбаша. Федор рассказал, что понял из побуквенного сравнения редакций в Ворде. Оба они относились к реформе как к делу давно назревшему и правильному.

Если Федор был довольно известным адвокатом по корпоративным спорам, то Богомолова считалась лучшей по морскому праву. Она вытаскивала из правовых ловушек «Титаники», пила тоник с сомалийскими пиратами, повелевала шельфами и коносаментами. Она была бессильна только перед грозным богом морей и океанов Посейдоном, которого блестяще играл муж и лучший прокурор – Петька Богомолов.

Федор почти расслабился, но, посмотрев на друга, снова нахмурился. Петр собирался что-то сказать, очевидно неприятное и долго им продумываемое. Это было видно по его оцепеневшему лицу и задумчивому взгляду. Богомолов, считая свои советы единственно верными, редко мог удержать такое золото в себе и, каждый раз поясняя, что «никто тебе больше не скажет, кроме меня» (и это была правда), всегда умел сказать гадость.

– Прости, сейчас скажу, может быть, неприятное, – произнес наконец Петр и попросил Анну выйти из-за стола на время мужского разговора.

Анна молча вышла из кафе-пекарни и встала снаружи стеклянной двери.

– Пойми, никто тебе больше не скажет, кроме меня! – продолжал Петр, глядя на Федора пристальным взглядом. – Вот ты все жалуешься, что тебе не дают воспитывать сына. Что сын твой толстый и неспортивный. Что школа у него плохая. Что сын твой перестал мечтать. И все ноешь и ноешь. Ноешь и ноешь. Ноешь и ноешь. Как баба! Так я тебе скажу, Федор, ты тряпка. Ты тряпка, тряпка и еще раз тряпка. Правильно же я сказал?

– Как всегда в точку! – с сарказмом ответил Федор. – И как я раньше жил без твоих советов? Ты, как моя теща, всегда, всегда и еще раз всегда прав!

Богомолов убийственно глядел ему в глаза, только уголки губ его насмешливо поднимались и опускались. Федор, улыбаясь, встал и подтянул брюки. Петр, проверив, не осталось ли что на стуле, тоже встал. Обходя столики, они направились к стеклянным дверям и вышли на улицу.

От клубящихся туч, закрывших небо, советская застройка, широкая дорога, машины, тротуар, люди, собаки, деревья как будто посинели. Петр закурил яйцеобразную трубку из сицилийского бриара и подошел к «гелендвагену». Федор прищурил глаза от налетевшего влажного ветра. Они пожали руки, готовясь разойтись, но Федор удержал руку Богомолова в своей:

– Петя, боюсь показаться слишком прогрессивным для тебя, но мы живем в мире лицензий, виз, сертификатов, удостоверений, формуляров, регламентов и правил, я уж молчу про законы, – сказал он. – Чтобы не погибнуть, мы должны соблюдать правила, общественный договор, называй как хочешь. Семейный кодекс предписывает мне решать вопросы воспитания *совместно* с женой. Ты говоришь, я тряпка? Я законопослушный гражданин. Я сын цивилизации, а ты обезьяна с гранатой.

– Все не так, Федя! – крикнул Петр, попытавшись выпустить руку, но Федор, улыбаясь, не расцепил рукопожатия. – Мужчина – разрушитель правил. Мужчина – мировая воля, что живет по своим правилам, сметает преграды, убивает врагов и терпит любую боль. Мужчина верит только себе и делает все сам. Вот что есть мужчина. Боюсь показаться слишком прогрессивным для тебя, но в *твоем* общественном договоре тебе семь лет морочат голову и лишают голоса. Позволь сделать предсказание: *тебе не дадут сына на велоспорт*. Вот что такое правила. Ты все равно придешь ко мне, дружище, и чем раньше ты это сделаешь, тем раньше сбудутся твои мечты.

Федор взглянул в черные блестящие глаза друга и рассмеялся. В этом был весь Богомолов, ни отнять, ни прибавить, противоположный ему во мнении, но горячо любимый друг. Они крепко обнялись, сели в свои машины и влились в гуляющий поток.

12

«Я не понял, он предлагает мне убить Эриду Марковну? – размышлял Федор. Цветная картинка в зеркале показывала, как приближается желтая стена офисной парковки. – А что, известны тысяча сравнительно законных способов избавиться от врага! Можно случайно оставить Недоумову в клетке с крокодилами, незаметно сбросить в реку с пираньями или просто подарить ей домашнего дятла. И счастье! – он задумался. – А если бедные животные не выживут? Бррр. Никто еще не обвинял меня в издевательствах над животными!»

Почти до трех Федор просидел в желтом особняке адвокатского бюро «Серафимов и партнеры», где у него, как у младшего партнера, был свой квадратный кабинет с видом на бронзового Баумана и золотые купола Богоявленского собора.

С самого утра, вместо того чтобы заставлять земной шар крутиться, он думал о словах Петьки. Усевшись в высокое кресло, он достал пухлую папку и выложил на стол документы по велоспорту. «Да, у нас были разные мнения, и мы много лет спорили, – размышлял он, приближая к глазам то справку врача о годности Иннокентия, то требования к питанию, то анкету, то договор. Школа олимпийского резерва подходила к обучению детей серьезно. – Но в конце мы договорились и оба подписали договор! – он по профессиональной привычке внимательно проверил подпись жены. – Как Пелагея может не дать сына? Никак она не может не дать сына!»

Федор крутанулся в задумчивости на кресле. На левой стене был искусно нарисован огромный черный змей с пустыми белыми глазами. Змей, состоявший из крупных чешуек, хищно завился в круг и кусал хвост огромными клыками. Федор слышал историю о прежнем владельце кабинета: мужчина бросил работу, бросил жену с двумя детьми, уехал жить в Нью-Йорк и там сошел с ума от одиночества. «Как же он мог бросить детей? – подумал Федор, в который раз обещаясь вызвать маляров и закрасить художество. – И поделом!»

Кто-то легонько постучал в дверь. Федор, оттянув обшлаг английской белой рубашки, глянул на дорогие часы. Тонкие стрелки показывали десять утра.

Заходила сверить график дня секретарь *того* мужчины, перешедшая по наследству к Федору. Сирена была сильно худой, сутулой девушкой тридцати лет, с выпирающим на спине позвоночником и маленькой грудью. В анкете ее значился один ребенок и жирный прочерк в графе «муж». Усталая от бытовых мучений, немного потерянная и непутевая, Сирена имела два насущных интереса: найти ребенку какого-нибудь отца и повысить себе зарплату. В лице Федора она видела решение обоих вопросов и потому первые дни взбивала черные волосы, выщипывала брови, лучисто улыбалась блестящими глазами и невинно наклонялась, открывая за блузкой маленькую грудь.

Видимо, она так настроилась на решение хотя бы одного вопроса, что когда Федор отказал в обоих, то расплакалась на его груди; впрочем, и это не помогло. После был период обоюдной ненависти, разговоры сквозь зубы, но, что бы ни творилось, девушка старалась быть добросовестным секретарем, а Федор – хорошим начальником, и вскоре они стали добрыми друзьями.

Заглядывали в кабинет младшие и старшие юристы, каждый со своим подходом к делу и начальству. Кто-то, ленив самостоятельно разобраться в деле, пытался получить мнение Федора, кто-то, заходя с незначительным вопросом, хотел лишний раз подтвердить свою лояльность, кто-то просто клал на стол готовый документ. Первых Федор отправлял думать, вторых – работать, а сам принимался разбирать горы исков, ходатайств, заявлений, жалоб и писем. Он курировал судебную арбитражную практику, должен был много читать, встречаться с клиентами, ездить на важные процессы и контролировать тысячи прочих вопросов.

Заходила полная кудрявая женщина из бухгалтерии и требовала с него отчет по представительскому расходу. Заходил седовласый и почтенный коллега из отдела рисков, ревниво

относившийся к тому, что Федор молод, и, стараясь скрыть снисходительность к его возрасту, требовал отчет, из серии: «Напиши что-нибудь о чем-нибудь». Бухгалтерию Федор направлял к Сирене, седовласого просил прислать письменный запрос.

Заходил Стукачев, женоподобный мужчина с манерной речью, который, как карикатурная лягушка, закатывал глаза. Фамильярно здороваясь, он оглядывал кабинет, шкаф, стол, кресло и спрашивал пустое: «Как дела? Что нового?», едва скрывая под всем этим недоброжелательство к тому, что этот кабинет занял Федор, а не Стукачев.

Федор все это видел, все знал, все умел решать. Единственное, чего он не мог, – это убедить жену отдать сына на секцию.

Ближе к трем, проклиная жену и тещу, Федор прибежал в кабинет Серафимова отпрашиваться. Рассматривая два ледоруба на стене, он рассказал свое дело. Шеф, в восьмидесятые заместитель министра юстиции СССР и известный альпинист, был сгорбленным ревматизмом стариком, еле передвигавшим ноги, но человеком весьма опытным и мудрым. Слушая рассказ Федора, он сидел за массивным дубовым столом и крошил в миниатюрное блюдечко белый хлеб. За спиной его висел портрет молодого Плевако, перед ним же, на столе, желтела деревянная клеточка, в которой суежилась белая мышь с красными глазами и длинным тревожным носом. Серафимов очень ее любил.

Выслушав Федора, Иван Иванович взглянул на него ясными голубыми глазами и без единого слова отпустил. Ради этой благожелательности и простоты Серафимова Федор готов был сворачивать горы.

Он сбежал по черной мраморной лестнице, выскочил из офиса и обнаружил, что на улице гроза. Ветер гнул и ворошил деревья. В небе клубились черные тучи, землю заливало косым сплошным дождем. Город ослеплялся вспышками и тут же оглушался щелчками грома, походившими на удар бича. Было темно, как ночью. Федор, перепрыгивая через бурлящие потоки воды и натянув пиджак на голову, подбежал к «гелендвагену», сел в него и поехал за Иннокентием.

13

Пелагея ждала его, похожая в черном японском халате на тонкий иероглиф счастья. Она прислонилась узкими лопатками к белой стене, сцепила руки на животе и своими большими ясными глазами смотрела на Федора. С кухни доносился аромат свежесостряпанных блинов и слышалось шипение раскаленной сковородки. Из гостиной доносился звук громко работающего телевизора – шла передача о мистике и кто-то говорил: «Я проснулся и увидел свет. Нет, я не пил!»

Федор бросил пиджак на желтую табуретку, снял промокшие туфли и носки и, приобняв жену, приоткрыл дверь в гостиную. На диване, держа на коленях толстенького Иннокентия, сидел тесть Федора, Дэв Медузов.

– У тебя рубашка мокрая. Снимай же, заболеешь! – улыбнулась жена.

Пелагея теплыми пальцами начала расстегивать Федору пуговицы и потянула за собой на кухню. Увидев на кухне тещу, Федор вздрогнул и застегнулся. Маленькая теща, с повязанным вокруг талии фартуком с желтой цаплей, напевала танго, топала в такт ножкой и переворачивала деревянной лопаткой блины. Завидев Федора, она не улыбнулась и не поздоровалась.

Пелагея села на табурет между красным кухонным шкафом и итальянским стеклянным столиком. Федор, не садясь, взял с тарелки блин и, взглянув на часы, заметил на манжете рядом с золотой запонкой грязь. Он показал Пелагее на пятно и тут же услышал высокий голос тещи. Человек-зло, казалось, даже спиной умела следить за всем происходящим.

– Мыть мужикам рубашки? Не для того ты рождена, дочь.

– Мам, мне не сложно, – ответила Пелагея, покраснев.

– А теперь скажи *ему!* – продолжала человек-зло, поставив руки на стол перед Пелагеей. – Мальчик страшно кашлял весь день. Скажи ему, что Иннокентий не пойдет на велотрек.

Человек-зло имела странную привычку в присутствии Федора называть его в третьем лице. Пелагея, глядя на солонку, молчала. Федор ел блин и размышлял над услышанным. В другой раз, узнав о кашле, он отказался бы от затеи, но он еще помнил утренний разговор с Петькой, и особенно обидное «ты тряпка».

– Эрида Марковна, Иннокентий на велотрек пойдет, – сказал Федор, с силой вытирая салфеткой пальцы. – Во-первых, он не болен, это вранье. Во-вторых, это вопрос наш с Пелагеей, а не ваш. Оставьте в покое *нашу* семью. – Все же он не был настоящим интеллигентом и потому добавил: – А если вы и дальше будете морочить голову *моей* жене и *мне* мешать воспитывать сына, я вышвырну вас из квартиры!

– Как *он* смеет так говорить со мной? – закричала юрдивым голосом Недоумова, и ее раздражение передалось дочери.

– Не смей так говорить с мамой!

– Успокойся! – сказал Федор. – «*Он*» молчит.

«*Он*» уходит.

Федор с раздражением бросил салфетку и ушел переодеваться в спальню.

Эрида Марковна, оглянувшись на дверь, подтащила табурет и под села к Пелагее.

– Ты хочешь, чтоб Иннокентий разбился? – сказала она тоном, который Пелагея ненавидела. – Ты хочешь, чтоб Иннокентий разбился, да? Ты хочешь, чтоб Иннокентий разбился? Разбился? О да, он разобьется. Конечно, он разобьется! Ты хочешь этого?

Ты хочешь, чтоб сын разбился?

– Не повторяй одно и то же, мама!

Пелагея взглянула в черное окно. За стеклом бушевали молнии. По карнизу скакали, отряхиваясь и резко дергая головами, воробы. На белом подоконнике зеленел кактус. У Пелагеи защемило сердце. Только мама умела одним словом сделать ее несчастной.

– Да пусть ты хоть сто раз нарушишь договор, если это нужно для ребенка! – шептала мать, близко приблизив крашенные синим веки и красный рот. – Пелагея, ты мать и имеешь право. Мать – это бог. Пелагея, ты – бог. Никто не смеет пойти против матери. Мать делает только то, что сама считает правильным, и никого не слушает. Мать рушит преграды, какими бы высокими они ни были. Или ты хочешь, чтоб он разбился? Ты хочешь убить своего ребенка? А? Одумайся и слушай меня, поверь я много видела и много знаю. Разве я советовала плохое? Я могла бы бросить тебя, но я люблю тебя и люблю внука, и я не сдамся! – Мать обернулась и понизила голос: – Есть такой закон, по которому мать главнее отца. Точно тебе говорю. Ты можешь делать все что угодно, а муж обязан исполнять и ползать перед тобой. Разве он родил бы без тебя ребенка? Разве он мучился так, как ты? – Эрида Марковна сняла фартук и бросила на столешницу. – Посмотри на *него*, на *его самодовольное лицо*. Да он смеется над тобой и твоими старыми родителями. Рубашки, видишь ли, ему надо стирать! Сначала рубашки, потом домашнее насилие! Да ладно, бог ему судья, раз нам достался этот крест – донесем. Но нельзя дать ему угробить бедного мальчика. – Эрида Марковна вздохнула. – Прекрати это! Прекрати, пожалуйста, если ты еще любишь свою старую мать. Или ты хочешь, чтоб Иннокентий разбился?

Эрида Марковна, косясь на проем двери, заговорила тихо.

– Сделай вот что, дочка. Когда *этот* попытается забрать Иннокентия, ты должна вцепиться *ему* в лицо. Он закроется руками, а ты оттолкнись, упави и закричи... Подрыгай ногами для виду!

– Прекрати мама! – взвизгнула Пелагея. Вскочив, она начала ходить по кухне, сжав голову тонкими белыми руками. – Ты говоришь ужасные вещи. У меня своя семья. Мы с Федором любим друг друга. Не вмешивайся. Уйди и забери папу. Неужели ты и вправду хочешь нас развести?

– Тихо. Тихо. Этот идет, – сказала Эрида Марковна.

14

Переодевшись, Федор бросил спортивную сумку в прихожей, а сам зашел в большую квадратную гостиную. Кивнув сыну и поздоровавшись с тестем, Федор прошел мимо стен, на которых были развешаны карандашные рисунки Иннокентия – пухлые ракеты, деревца с чудными фруктами, домик с окном и трубой, желтое солнце. Улыбнувшись, Федор заметил на одном рисунке Пелагею с круглым туловищем и самого себя квадратного. Оба они имели улыбки до ушей, ноги палочки и держали за руки веселого Иннокентия.

Незаметно вошли Пелагея и Эрида Марковна. Федор присел на корточки перед сыном и взъерошил ему светлые волосы.

– Поехали? – спросил Федор.

– Поехали!

Иннокентий дернулся, но тесть обнял его и не отпустил. Иннокентий обернулся и с удивлением посмотрел на бабушку. Федор с удивлением посмотрел на жену. Та, рассматривая красные ногти, сделала вид, что не заметила его взгляд. Федору вдруг так захотелось уйти, сделать так, как они хотят, зная, как все рады будут, что он это сделает. «Ты тряпка, – подумал он, вспоминая утренний разговор. – Если не сейчас, то никогда ты не вырастишь мужчину. Чертов Петька».

Федор вырвал Иннокентия из рук бабушки и направился в прихожую, как вдруг подскочила Пелагея и потянула сына обратно в гостиную. Федор потянул мальчика к себе. Толстый Иннокентий повис между ними.

– Больно! – закричал он.

Иннокентия отпустили и начался спор. Сын вертел головой и думал о том, какие глупые эти взрослые, устроившие вселенскую проблему из-за пустяка. «И что такого, если я схожу с папой? – думал он, обнимая теплую маму за тонкую талию. – С каких пор детям запретили кататься на велосипедах?» Иннокентий не понимал, почему двое больших, добрых, улыбчивых, самых близких ему людей ссорятся. Почему его самая заботливая в мире бабушка носится вокруг, а умный дедушка нависает над папой с насмешливым лицом.

Иннокентий почему-то решил, что он виноват в этой ссоре, и связал это с тем, что забыл сменку в школу. Ну какая еще может быть причина, по которой мама всхлипывает, а папа стоит с красным лицом и что-то говорит ей своим уверенным, спокойным голосом. Папа не сдавался и просил отдать его, твердил, что он разрушитель преград и мировая воля. Мама молчала. Бабушка своим высоким голосом отвечала папе. Дедушка, как обычно, насмешливо улыбался и вставлял умные, рассудительные фразы. Все окружили папу и твердили ему свое, а он не соглашался. «Все-таки мой папа самый лучший!» – подумал Иннокентий. Из всех собравшихся здесь он верил только папе, хотя и не знал почему. Иннокентий пытался помирить родных и сказал об этом. Они выслушали с улыбкой и продолжили свое.

Иннокентий, поворачивая вихрастой головой то к маме, то к папе, решил, что сейчас он, как мужчина, скажет им: «Пожалуйста, не ссорьтесь! Я знаю, я разочаровал вас. Поэтому я ухожу!» Потом он представил, как возьмет рюкзак с хлебом, посох и уйдет от родителей один в тульский лес, к черным волкам, маленький, истощенный, и там... На этих мыслях ему стало жалко себя, так жалко, что он всхлипнул и решил пока в лес не уходить.

– Почему твои родители здесь? – говорил папа. – Пелагея, ты продумала целый план против меня? Семья – это мы с тобой. Пусть они уйдут и давай поговорим.

Неожиданно произошло быстрое движение, мама отлетела от папы и упала на спину. Папа растерянно посмотрел на нее и оглянулся на Иннокентия, словно ничего не понимал. Бабушка завизжала так громко, что Иннокентий закрыл уши. Мама встала и ушла в ванную, а папа сел на диван, усадил на колени Иннокентия и погладил его по голове. Руки папы дрожали.

Дедушка смешно выбежал за дверь и стал стучать во все двери. Повылазили соседки в бигуди и халатах, зашли в их квартиру, стали охать и ахать, кричать о домашнем насилии, трудной доле женщины и деспотах-мужчинах. Слова эти для Иннокентия были абракадаброй. Целая толпа набилась в их квартире, запахло шампунем, борщом и древесной стружкой от нахмуренного соседа-столяра. Все разволновались и ходили с серьезными лицами. Иннокентий был спокоен и с улыбкой наблюдал. Похоже, это был очередной спектакль взрослых. «Какие же взрослые актеры! – думал он. – И как глупы! Они же ничего не понимают в жизни».

Неожиданно в прихожую вошли двое полицейских с усталыми сонными лицами и цепкими взглядами. Иннокентий старался быть в гуще событий и подбежал к ним. Ему дали резиновую дубинку, и он играл с ней, залихватски стуча о ладонь. Светловолосый полицейский, глядя на маму, сощурил глаза и сжал губы. Он был недоволен мамой.

– Вы что, будете заявлять на мужа? – спросил тот маму.

– Конечно, она будет! – крикнула за маму бабушка.

Как всегда, бабушка всех успокоила, кроме папы, конечно. Почему-то папа не любил его любимую маленькую бабушку. Полицейские отвели папу на кухню, куда Иннокентию заходить запретили. Чтоб помочь папе, он придумал надеть красно-синий костюм Человека-паука и незаметно приполз туда, осторожно высовывая голову из-за холодильника. Полицейские сидели за стеклянным столом и осматривали папины руки.

– Костяшки не сбиты, – говорил, зевая, черноволосый.

«Что такое ко-стя-шки?» – подумал Иннокентий.

Светловолосый полицейский вдруг подмигнул мальчику, и тот сбежал в гостиную. Мама сидела в кресле, обмотав голову полотенцем. Вернулся папа. Обняв и поцеловав Иннокентия, он попрощался и ушел с полицейскими.

15

Федор с удивлением посмотрел на упавшую на пол жену и подумал, как она может так лгать. Приехали двое молодых уставших полицейских, у которых закончилась смена. Они цепко вглядывались в каждого, брали паспорта, проверили костяшки пальцев Федора. Костяшки не были сбиты. Попросили объяснений. Долго разбирались, что и как. По словам Недоумовой и Медузова выходило, что Федор избил жену. Он с удивлением глядел на тещу и тестя и думал, как они могут так лгать. Теща говорила много и говорила убедительно. Соседки, впрочем, не убеждались и смотрели на нее с подозрением, а на Федора с пониманием. Пелагея, опустив глаза, молчала.

Сам он был странно спокоен, говорить совершенно не хотел и чувствовал огромную усталость. Он только сказал, что закрыл свое лицо, что жена сама оттолкнулась, но сам понимал, что чужими глазами нельзя определить однозначно, толкнул он жену или нет.

– Заберите его! – крикнул тесть. – Я боюсь выходить из дома! Он устроит диверсию!

Полицейские, взглянув на Медузова, попросили Федора пару часов прогуляться и вышли вместе с ним. Пока он спускался в лифте с полицейскими, он даже был немного горд тем, что он не отступил, что произошло такое, что приехала полиция. Он сделался болтливым, рассказал зачем-то, что и он юрист, как и полицейские. Они были нормальные ребята.

– Пришел домой, хотел ребенка на велоспорт забрать. И ребенка не забрал, и в полицию попал! – повторял Федор, ухмыляясь и воспринимая себя бывалым, настоящим преступником. – Я всего лишь попросил позволить мне отвести ребенка на велоспорт, что такого я сделал? Такое придумала, не поговорила, ничего, зачем? Вот женщина!

– Ты договаривайся, чтоб не заявляла, – сказал, двигая большим кадыком, светловолосый.

В металлическом лифте было так уютно, что хотелось ехать в нем вечно.

– Да зачем ей заявлять? – возразил Федор, поморщившись от слова «заявлять». – Нет, она не заявит на меня. Да черт, я же и не бил ее! – добавил он.

«А вдруг заявит? – про себя подумал Федор, до того рассматривая все как своеобразную игру и не представляя, что может выйти *уголовное дело* против него от собственной жены, с которой он жил, ел, спал, ездил на курорты, родил сына. От светловолосой красавицы с красивыми серыми глазами и широкими скулами, похожей на шведку. – Нет, невозможно, чтоб она заявила».

Когда они выходили в светлый коридор с почтовыми ящичками, в лифт зашла женщина в черном платке и, как показалось Федору, осудительно посмотрела на него. «Все уже знают», – подумал он.

– Их трое, а ты один! – сказал со значением чернявый полицейский.

Асфальт вокруг дома блестел лужами. Ливень кончился. Федор вдохнул свежего, чуть влажного воздуха и осмотрелся. Небо было лазурным. Хрущевские девятиэтажки вокруг зажглись желтыми окнами, такими уютными и желанными. В желтых окнах Федор видел мужчин в майках, женщин в халатах, детишек за столиками. Мимо прошла, смеясь, компания девушек и парней. С футбольного поля громко кричали. Старые Черемушки жили обычной жизнью. Федору вдруг стало тоскливо и одиноко.

Светловолосый полицейский, дергая вверх кадыком, рассказал Федору анекдот про то, как муж, сидя на кухне с женой, попросил дать ему соли для супа, но оговорился и сказал: «Ты мне, сука, жизнь испортила».

Федор рассмеялся.

Оба полицейских, по мужскому обычаю, пожали ему руку и уехали. Федор, провожая их узик, представлял, как светловолосый полицейский зайдет в управление внутренних дел на

Новочеремушкинской (в том здании Федор получал загранпаспорт), будет в дежурке деловито заполнять бумаги о нем, говорить спокойно о постороннем, потом уедет в теплую квартирку с желтым абажуром и мягким креслом, к жене – сироте из детдома, которая сготовит ему борщ с дымком, ласково помассирует уставшие плечи. Сын запрыгнет к нему на колени, а светловолосый, выпив сто грамм после суток, ударит кулаком по столу и скажет: «Велоспорт!» И жена, девушка года по версии журнала Playboy, посмотрит на него влюбленным взглядом и скажет: «Да, мой господин!»

Уазик давно уехал. В проулке, цепляя низкие ветви дрожащих берез, тащился самосвал с горой черной земли.

Федор не знал, что черноволосый полицейский пил втемную, а светловолосый не хотел возвращаться домой по вечерам. Жена распаяла его упреками в безденежье, годовалый ребенок с утра до ночи вопил, и начальнику светловолосого регулярно приходилось просить его жену, чтобы она забрала заявление о побоях.

«Напиться?» – подумал Федор, поняв, что уже долго стоит один у бетонного ограждения вокруг клумбы с лютиками. Он сделал два шага к неоновой вывеске на первом этаже, но вспомнил, что обещал Волкову приехать в Крылатское, и поехал к тренеру.

По дороге с Федором случился припадок безбашенной удали. Он небрежно и опасно сворачивал между машинами, обгонял по встречной полосе, успевая вильнуть в свой ряд за секунду до аварии, бешено сигналил и мигал фарами всем, кто занимал левую полосу. На пустой дороге он разогнался до двухсот и резко тормозил. По счастливой случайности аварии не произошло.

Федор не помнил, как и где брал велосипед, с кем и что говорил, и только помнил слепящие прожектора на потолке, деревянное полотно, чьи-то мельтешащие икры впереди, треск передач, шелест цепей, запах резины и ручки пота на лице.

Через час он почувствовал себя счастливым. Усталый, вспотевший, успокоенный, он зашел в маленькую столовую с белыми столиками и фотографиями гонщиков, съел татарский гуляш с рисом и подливой и долго пил горячий кофе. В столовой сидели велосипедисты со спутанными мокрыми волосами, ели макароны с расплавленным сыром, говорили что-то простое, веселое и громко смеялись.

Уже ночью Федор вернулся домой. В квартире было пусто. Пелагея ушла.

Часть вторая

16

Погода в конце марта две тысячи пятого года стояла ясная и солнечная. Федор Ребров в те времена еще был худ, имел невообразимую прическу с пробором посередине и смотрел на мир наивными, веселыми глазами. Он заканчивал пятый курс юридического факультета Московского университета.

Анна Миловидова, маленькая красивая девушка, стянув черные волосы в тугий балетный пучок, высматривала его через большое прямоугольное окно над входом в Черемушкинский районный суд. На лице ее было то честное, тревожное выражение, которое Федору нравилось. Анна казалась такой определенной, такой красивой в сравнении с обшарпанным зданием суда. Ее тонкая белая шея, расправленная грудь, блузка с учительским широким воротом, безупречная осанка и прямо поставленная голова и ясные зеленые глаза притягивали взгляд Федора. Не зная, что он видит, Анна лучисто улыбнулась и на щеках ее появились ямочки. У Федора в груди произошел взрыв радости от мысли, что улыбка эта предназначалась ему.

В этот момент Анна заметила его, довольного и замечтавшегося, стала строгой и скрылась, чтобы передать ему пропуск. У них была практика в суде. Федор взялся за ручку двери и увидел тощего высокого человека с черными усиками, направлявшегося к нему снизу от Кржижановского. Петька, видно, только кончил браниться с женой, румяной белотелой девушкой из педагогического института, и старательно отворачивался от нее, хотя и держал за руку. Подойдя к Федору, Недотрогова сняла квадратные очки и улыбнулась смущенной доброй улыбкой. У нее были красивые, ясные глаза.

– О, наш деревенский приехал! – пошутил Федор, пожимая крепкую руку Петьки.

– Я и говорю, неужели не было места в Москве? – сказала Изабелла своим громким, резковатым голосом и попыталась повернуть голову Петра к Федору, словно тот был истина в последней инстанции. Но Петр оттолкнул ее руку. – Там воды горячей нет, Федор! – чуть не плача сказала Изабелла. – А название!

– Ладно-ладно! – сказал, рассмеявшись, Федор.

Петр, побагровев, развернулся к Изабелле.

– Объясняю еще раз! – сказал он спокойно. – В Москве не было места, и мне предложили деревню! Пусть Гадюкино, но это мой шанс! С тобой или без тебя я отработаю, а позже стану заместителем прокурора Москвы. Вот увидишь!

Они бранились еще некоторое время, пока Недотрогова, обидевшись, не ушла в институт. Федор уже открыл дверь, но подкатил красный трамвайчик и оттуда выпрыгнул элегантный высокий человек с вязаным шарфом на шее. У юного Мягкова были бакенбарды, как у Пушкина. В руке он держал растрепанную книгу. Друзья обнялись и через десять минут расселись на длинных узких скамьях зала заседаний.

Старая судья поправляла петушиный начес. В клетке сидел стриженный наголо подросток лет шестнадцати. Застывшими жестокими глазами он оглядывал пришедших и долго рассматривал Федора, непонятно чем выделив его. В это время выступала мать парня, неестественно высокая сутулая женщина с квадратными кистями и крашеными кудрями. Она прищуривала недоверчивые глаза, поворачивалась к судье огромным ухом, но ничего не понимала. На все слова судьи она повторяла грудным скрипучим голосом одно: подсудимый хороший, добрый, ласковый мальчик и не мог совершить преступления. Мать упорно держалась той версии, что какие-то люди подставили ее сына, и обвиняла в коррупции сидевшего в зале молчаливого следователя.

Круглолицый улыбчивый адвокат настаивал на смягчении ответственности.

– Будем милосердны к тем, кого плохо воспитали, – говорил он, любовно оглядывая лица собравшихся.

Судебное дело, включенное в план посещения студентов юридического факультета, состояло в том, что подросток выбил глаз охраннику своего колледжа. «Ему не понравился мой взгляд!» – говорил охранник, также пришедший на заседание.

Все преступление засняла камера. Повреждение глаза квалифицировали как тяжкий вред здоровью, и прокурор, молодой черноусый мужчина, официальным монотонным голосом просил дать подростку три года тюрьмы. Но дело, в целом ясное, шокировало прогрессивную общественность одной деталью, до которой еще не дошли, поэтому зал был полон репортеров и студентов юридических вузов.

На месте секретаря суда Федор заметил красивую девушку с прямыми светлыми волосами, одетую в леопардовое платье. Девушка остервенело жевала жвачку и быстро стенографировала, неправильно зажимая ручку между указательным и безымянным пальцами. Это была подруга Ильи Мягкова – Пелагея Медузова. Мягков вздохнул, увидев ее, и принялся расчесывать пушкинские бакенбарды.

Когда объявили перерыв, Федор отошел с Анной в пустынный закуток, под предлогом «там тихо», и быстро поцеловал в теплые солоноватые губы.

– Что ты делаешь, увидят! – сказала Миловидова, испуганно огляделась и села на длинную скамью, расправив серое платье.

– Как твоя судья, опять обжаловали? – насмешливо спросил он, подсаживаясь к ней так, чтоб касаться бедром.

Миловидова проходила преддипломную практику у одной судьи, со странным именем Изольда Исааковна, сильно сблизилась с ней и рассказывала, что решения ее постоянно отменяли.

– Не смейся! – сказала она, широко округляя глаза. – Вот ты учишься, получишь скоро красный диплом, начнешь практиковать, и что? Ты живешь в России.

Федор подумал, что это не ее мысли, а слова обожаемой ею судьи.

– Представь, тебе дали полномочия судить. Ты судишь так, как велит тебе закон, обстоятельства и внутреннее убеждение, – говорила Анна, важно возвысив голос. – Но мы живем в России!

Что такое жить в России, она не пояснила.

– Не бывает так, чтоб вечно не везло, – сказал Федор мягко, стараясь не обидеть Анну. – Твоя судья просто плохо работает. Если хорошо работать...

– А может, судебная система прогнила? – перебила Анна с вызовом. – Я же сама вижу, Изольда Исааковна разбирается в каждом нюансе и принимает мудрые решения, пусть порой они и кажутся революционными, – она подняла изящный тонкий пальчик, словно собиралась сказать самое важное. – Но Мосгорсуду не нужны революции! Им нужно единообразие, пусть даже это единообразие покрыто слоем пыли и не отвечает новому времени. Что остается Микенко? Думать не о мудрости, а о том, чтоб не обжаловали! Я тебе расскажу одно дело...

– Давай придем в правовую систему и разберемся, – перебил ее Федор и мягко положил руку ей на плечо, чувствуя под блузкой тепло ее тела. – Я буду известным адвокатом, а ты...

Анна остановила на нем взгляд и покраснела.

Когда они вернулись в зал суда, Мягков у окна спорил с Богомоловым.

17

– ...я бы посадил вместо подростка его мать! – говорил Петр, с яростью глядя на Мягкова так, словно был готов перебить или задушить его, если он скажет хоть слово против. Солнечный луч лежал на лице Богомолова, делая его глаза прозрачными, как у рыбы. – Ну скажи, в чем вина мальчика? Ясное дело, эта странная, глупая мать воспитала его неправильно. – Богомолов паразитировал словами «ясное дело».

Федор начал слушать их, рассеянно рассматривая внизу здания женщину с ротвейлером. Мягков снял ногу с трубы под подоконником и выпрямился.

– Разве мать выбила глаз охраннику? – сказал он, тонко улыбаясь Федору. – Каждый отвечает за себя, пусть он даже сын Эскобара и племянник Аль Капоне. Мальчишке просто не досталось мужского воспитания, но это не повод совершать идиотские поступки.

Услышав последнее, Федор усмехнулся. Мягков как раз намекал на ту деталь, что заставила общественность обсуждать это дело. Когда подсудимому было полгода, его мать убила своего мужа, и это невольно наводило на размышления, каким бы вырос подросток, будь рядом его отец. Стал бы он жестоким преступником?

По сведениям знающих лиц, мужчина был достойным человеком, и все же слышались разные «если», «но» и «видите ли, в чем дело». У некоторых женщин вовсе было мнение, что раз муж позволил его убить, значит, сам виноват. Точно никто уже ответить не мог, но факт оставался фактом: без отца парень вырос преступником.

– Я одного не понимаю, – продолжал Мягков. – Как можно покалечить за взгляд?

– Не знаю, кто из вас прав, – сказал Федор, зажмурившись от ослепившего его солнечного зайчика с часов Петьки. – Но, похоже, я знаю, за что она убила своего мужа. Ей не понравился его взгляд!

– Или взгляды! – рассмеялся Мягков.

Петр разглаживал редкие короткие усики, неподвижным взглядом уставившись в окно. Его просили сбрить усы, не имевшие в ту пору популярности, но Петькино решение изменить было невозможно.

– Странное было правосудие! – сказал Богомолов. – Женщина убила мужа, и что? Судьи посоветались и решили: мать – это мать, какой бы она ни была, и дали условный срок. И что мы видим? Муж мертв. Сторож без глаза. Сын преступник. А она на свободе, все такая же дремучая. И считает себя невиновной.

Из зала заседаний раздался вопль той женщины.

– Друзья, мама – это мама, святой человек, давайте не будем судить ее строго, – сказал Федор проникновенно. – Я думаю...

Дверь в зал открылась, и Федору не удалось закончить. Послышались громкие голоса, шум сдвигаемых скамей, начали выходить взволнованные люди.

К Федору и его приятелям подошла побледневшая Анна и сказала, что парню дали три года реального срока.

– Представляю, каково сейчас матери! – сказала Анна, часто моргая. – Как жаль ее!

Конвой, защелкнув за спиной подростка наручники, вывел его из зала. Мать шла рядом с сыном и гладила его по стриженной голове. Друзья спустились на воздух, решив всей компанией пойти к Жене Грибоедову.

18

Жарило солнце. Благоухала только освободившаяся от снега земля. По Кржижановского, звеня, пронеслись трамвайчики. Старушка, пытаясь оторвать ветку от вербы рядом с тротуаром, испачкала руку клейкими листочками.

Ждали Пелагею с Кирой. У всех было молодецкое удалое настроение. Было то время, когда они встречались, расходились, ссорились, мирились, когда Илья, только собравшись учить уголовный процесс, по одному звонку Федора выбегал гулять, когда заснувшему на тарелке Петьке сбрасывали усы и зеленым маркером рисовали тараканьи усища, когда Женька Грибоедов играл на гитаре и пел в переходе, когда в один день происходила тысяча событий, сидеть дома было скучно и можно было ходить в гости без гостинцев и приглашения. Это было то время, когда ты не думаешь о жизни, а просто живешь. Несчастен тот, кто не гулял в молодости. Многие из тех, кто когда-то танцевал рок-н-ролл, уже умерли, остальные стали страшными занудами.

Федор балансировал на узком бордюрике, Мягков, отгоняя муху, читал Хемингуэя, держа книгу в вытянутой руке, Петька в раздражении, что надобно ждать, грыз ноготь указательного пальца и ходил взад-вперед. Анна, сжимая в руках желтую сумочку, улыбалась.

Заправляя на ходу светлые волосы за уши, вышла Пелагея Медузова. Девушка посмотрела красивыми глазами сквозь Федора, надела черные очки-бабочки и встала рядом с Мягковым. Он на миг отвлекся от книги и посмотрел на Пелагею. Оба высокие и стройные, они были красивой парой.

Пелагея принадлежала к кругу самых красивых девушек университета, которые знали о своей неотразимости, знали себе цену и общались только с самыми красивыми мужчинами. Поговаривали, что у высокой красавицы была прибабахнутая мать, но Федор, любуясь ее стройными бедрами и красивыми глазами, вообще не понимал, о чем речь. Была в Пелагее харизма, привлекавшая Федора, как мотылька привлекает огонь. Медузова, как позже выяснилось, даже не была студенткой Московского университета, а училась праву в Академии суффражисток³ имени Эбигейл Адамс⁴, одной из тех коммерческих контор, чьи объявления развешивали в поездах метро. В университет она приходила к своей двоюродной сестре, рыжеволосой красавице Кире Кизулиной. Впрочем, никому дела не было, кто где учился.

Подростка, торчащего в зарешеченном окошке уазика, увезли. Толпа репортеров, выкидывая в урны бумажные кофейные стаканы и сворачивая телескопические микрофоны, расходилась. С шумом проехал мальчишка на скейтборде. Федор, с тревогой подумав, что может потерять на гулянке с Грибоедовым паспорт, засунул неудобный документ в карман куртки и запер молнией.

Светловолосая красавица в черных очках-бабочках была недовольна. Она долго наблюдала за читающим Мягковым, скрестив руки, но Илья был так увлечен, что не замечал своей девушки. Она сняла очки и попросила смотреть на нее. Илья опустил книгу и взглянул на нее.

– Почему ты *так* смотришь? – спросила красавица. – Мне не нравится твой взгляд.

Федор, улыбнувшись, посмотрел на Миловидову. Анна тихо стояла рядом, развернув по балетному ступни и рассеянно наблюдала за Федором. Когда он повернулся к ней, Анна поцеловала его и ушла на танцы.

³ Движение за предоставление женщинам избирательных прав.

⁴ Американская феминистка.

19

Некоторое время они молчали. Наконец в дверях появилась высокая рыжеволосая Кира в голубых обтягивающих джинсах и белой блузке, как обычно с прижатыми к груди учебниками и куда-то спешащая. Прикрываясь тонкой ладошкой от солнца, она обвела взглядом толпу перед зданием суда и нашла у бордюра знакомую компанию.

Друзья дошли до квартала обоев и плиток возле метро «Профсоюзная» и пешком направились в сторону университета. Петька болтал с Кирой, Илья с Пелагеей, а Федор рассматривал дома вокруг. «А неплохой райончик!» – подумал он, не подозревая, что будет жить здесь в будущем с Пелагеей. Сам он еще жил с родителями у Нескучного сада.

Через двадцать минут компания подошла к Дому преподавателей МГУ, огромному зданию сталинской архитектуры с колоннами на верхнем этаже. Бабушка Женьки Грибоедова была профессором университета и в наследство оставила ему квартиру в знаменитом месте.

Федор набрал в домофоне квартиру Гриба, и тут к ним подошла весьма интересная троица: черноволосый мужчина в форме и две немолодые маленькие женщины. Мужчина был пропахший куревом типчик с черными короткими усами и внимательным взглядом. Он недобро рассматривал их через затемненные очки и дымил самой настоящей сигарой. В женщинах легко можно было определить сестер. Пелагея познакомила всех.

Мужчина был генерал Арес Велиалиди, высокий чин в министерстве внутренних дел. Одна из женщин, в старомодном зеленом пальто и колокольчиковой шляпке с розочкой, была мать Пелагеи – Эрида Марковна Недоумова. Вторая была мать Киры – Немезида Кизулина, глава думского комитета по семейной политике, детству и материнству. Немезида Марковна, как знал Федор, совсем себя не жалела и даже немножко губила ради власти, сменив аж четыре партии, в зависимости от того, какая проходила в Думу. Троица шла в гости к ней на Фотиева.

В домофоне послышались шорохи, длинный писк и сонный голос.

– Открыл? – спросил Гриб.

– Да! – Петька придержал дверь.

– Какие волосюшки у нашего бездельничка! – сказала Эрида Марковна, дергая за бакенбарды скривившегося Мягкова. – Мой будущий зятек! – обратилась она к своим друзьям. Насмешливо улыбаясь и хихикая, женщина рассказала всем, как давеча слушала по телевизору «безголосеньких певичек», как спускалась в «душненькое метрецо», как ездила за «дешевенькими штучками» в «Айкею».

– А кассир матом орет на меня! А я ему, такая, отвечаю...

Мама Пелагеи производила впечатление женщины, которая, начав ворчать, не могла остановиться. Друзья с улыбками переглядывались, из чувства такта не желая шутить над странным диалектом Недоумовой. Петр в голос вздыхал. Эрида Марковна, ничего не замечая, перешла на тему «как все нынче плохо, а вот раньше и трава была зеленее, и уксус слаще». Велиалиди все это время внимательно рассматривал Федора и тихо шептался с мамой Киры. В каждую паузу Недоумовой друзья хором прощались, но она, не понимая намеков, продолжала дальше, как заевший патефон, пока не вывела Федора на спор.

– Московский университет! – покачав головой сказала Недоумова. – Зачем?

– Зачем учиться в лучшем вузе страны? – Федор оперся рукой на плечо Мягкова.

Недоумова сразу стала агрессивной.

– Ты забыл, где живешь, безусый мальчишка! – запричитала она высоким голосом. – Выброси свой диплом, ты ничего не добьешься сам. Поверь мне, старой больной женщине – успех в России там, где блат, взятки и постель!

После этих слов Недоумовой Федор понял, что эту окончательно выжившую из ума женщину просто нельзя воспринимать всерьез. «Бедная Пелагея, кто б тебе объяснил правду про Академию суфражисток имени Эбигейл Адамс!» – подумал он, переглянувшись с красавицей.

– Зачем мне верить старой больной женщине? – сказал Федор. – Я поступил без блага. Я иду на красный диплом без взяток. И я твердо верю, что идиоты и бездельники, даже со всем набором ваших козырей, никому не нужны. Лучшие компании возьмут меня, потому что я помогу им стать еще лучше. Страна уже другая, Эрида Марковна.

Недоумова все время саркастически хихикала и, сохраняя неприятное недоброжелательное выражение лица, переглядывалась с Немезидой Кизулиной и Аресом Велиалиди. Федору стало понятно, что они ставят под сомнение каждое его слово. «Вот добьюсь всего, так они не поверят, что сам, – подумал он. – Странные люди».

– А я знаю вашего отца, – сказал Велиалиди со странной ухмылкой. – Умный человек!

Федор покраснел, чувствуя, что тот говорит в негативном смысле, но не нашелся, как достойно ответить.

– Матвей Ребров, депутат Госдумы? – спросила с сияющим лицом Эрида Марковна. – Так это его отец? А, тогда все понятно!

Федор хотел возразить, но, встретив смеющийся взгляд Мягкова, промолчал. Они попрощались и разошлись в разные стороны.

20

Прошло три месяца. Федор Ребров в черном костюме и Анна Миловидова в белом платье, оба со светящимися глазами, сидели в квадратном актовом зале университета с колоннами и яркими люстрами. По традиции, лучшие студенты получали дипломы первыми. Анна уже получила свой, а Федор волновался и краснел, боясь момента славы. Как обычно бывает, фамилию назвали внезапно, и он скованно взбежал на сцену. Отец, тоже взволнованный, с повлажневшими глазами, подошел к сцене фотографировать.

Садовничий, поблескивая линзами очков, улыбнулся Федору, крепко пожал руку и вручил диплом. «Я сделал это!» – ошалело подумал Федор, оглянувшись на огромный зал аплодирующих ему людей с сияющими, светлыми, улыбающимися лицами.

Федор вспомнил, как маленькими шажочками, с любопытством юности и стремлением быть первым, он пять лет вгрызался в науку, не всегда умело, не всегда дисциплинированно, и вот сейчас стоял здесь, на последнем рубеже, отделявшем юность от взрослой жизни. «Это стоило того!» – подумал он и поднял вверх красный диплом, как поднимал золотые медали в велоспорте.

Выступал декан юридического факультета.

– Поздравляю, теперь вы представители одной из древнейших в мире профессий! – сказал плотно сбитый седой мужчина, улыбнувшись. – Впрочем, оставим шутки, юрист не только древняя, но и весьма нужная обществу профессия, особенно сейчас! – Он посерьезнел. – Друзья, вы лучше других знаете о праве, о государстве, о демократии. Вы лучше других знаете, что такое закон, как его толковать и исполнять. Я не могу, к сожалению, обещать вам, что все институты права и государства, что вы изучили в теории, будут правильно работать за пределами университета. Культура неуважения к основным правам человека все еще тянет наше общество назад, к господству одной партии и одного мнения, к тоталитаризму! Да что там, мы все еще не умеем цивилизованно спорить и грезим о революциях, вместо того чтоб договариваться.

Декан говорил с чувством, вызывая в Федоре патриотический озноб и волнение.

– Вы будете судьями, прокурорами, адвокатами, следователями, юрисконсультантами, вы будете известными людьми, возможно первыми лицами государства, – продолжал он. – Не предавайте идеалы нашей светлой профессии! Не предавайте людей, которые будут к вам обращаться! Не предавайте ценности цивилизованного общества! Не подчиняйтесь тому дурному, что вы увидите, но и не сидите сложа руки. Своим примером меняйте практику к лучшему. Создавайте гражданское общество. Создавайте правовое государство. Смело идите вперед. Действуйте. Пришло ваше время, коллеги. Будущее – за вами. Я твердо верю, что вы сделаете нашу прекрасную страну лучше. И я твердо верю, что своих детей вы научите правильным ценностям.

Федора так вдохновили эти слова, что он, и так расчувствовавшись на вручении, пообещал мысленно не подвести и не удержал слезы, скопившиеся на глазах.

Получив дипломы, друзья начали осуществлять задуманное. Мягков твердо решил стать писателем и, обмотав шею шарфом, написал первые абзацы романа о безумце-моряке и попугаях-неразлучниках. Красивая Пелагея уехала на Канары. Грибоедов, по протекции знакомых бабушки, устроился в прокуратуру Москвы. Рыжая Кира начала стажировку в крутой американской фирме из рейтинга Chambers Global⁵. Федор с Анной разослали резюме. А Богомолов продолжал трудиться в гадюкинской прокуратуре и выслушивать нотации своей жены Недотрогой.

⁵ Международный рейтинг юридических фирм.

21

В конце июня две тысячи пятого года, по инерции студенческой жизни, Федор предложил всем ехать на фестиваль бардовской песни и проплыть на байдарках Жигулевскую кругосветку. Огромная Волга в том месте делала круг, почти соединяясь у села с бурлацким названием Переволоки. Интернет обещал фантастические виды и веселые приключения.

Федор же, никому не сказав, еще имел намерение сделать Анне Миловидовой предложение.

Идея понравилась, и компания друзей, переночевав в Самаре у родителей Анны, приехала на Матрюковские озера. Весь день они гуляли по лагерю, жужжащему, словно огромный муравейник, слушали бардов, ели приготовленный на углях шашлык, загорали на песочном пляже, пили красное и, немного, белое, а вечером в самом счастливом настроении расселись у костра.

За деревьями, в желтых отблесках небольшого огня плясали бородачи, отбрасывая демонические тени. Мягков с рыжей Кирой – к тому времени уже муж и жена – ушли на дальнюю базу отдыха искать байдарки. Анна со своей мамой и Изабеллой готовили салаты и бутерброды, с ужасом поглядывая на Петра Богомолова. Тот в ковбойской шляпе ползал на коленках вокруг костра и раздувал его так, словно был стеклодувом в десятом поколении. Глаза Петра стали красными, костер пылал, дым всех мучил, бурлящая уха испарялась к звездам, но Петька, как только видел тлеющий уголек со всей мочи снова начинал дуть, и никто его не мог остановить.

Федор, упершись спиной в неудобный пенек, читал мятую лоцию маршрута, помечая карандашом места остановок, и обсуждал с отцом Анны детали сплава. Семен Анатольевич Миловидов был известный в стране альпинист, и Федору было лестно, что тот сидит рядом и запросто общается.

Гриб, глядя в небо, слушал старое радио. Пелагея, подложив руку под голову, лежала рядом на боку, изящно согнув белеющие в темноте ноги. Девушка, несмотря на прохладу, была в коротких джинсовых шортах и красных кедах. Иногда, между разговорами и делами, все поглядывали на белые розовые ступни Дэва Медузова пятьдесят второго размера, торчащие из одной палатки. Отец Пелагеи весь день спал и страшно храпел. Недоумова отправила его следить за дочерью.

Пол Маккартни запел Yesterday. Гриб сделал громче.

С Федором иногда бывало, что он вдруг как будто просыпался и смотрел со стороны на свою жизнь. Так и сейчас песня тронула его, он моргнул и как будто впервые увидел костер, палатки, непонятных людей вокруг – его близких друзей и подруг. Он посмотрел в звездное небо и задумался. Семь лет назад узор в калейдоскопе был совсем другим. Он вспомнил сборы в Италии с лучшими гонщиками мира. Один русский тогда тоже пел Yesterday. «А ведь я не знал, – подумал Федор, – что через семь лет буду сидеть, прислонившись к пеньку рядом с великой Волгой, не знал, что познакомлюсь со своими друзьями и получу диплом лучшего университета страны. Все же мне сильно везет, раз я знакомлюсь с крутыми людьми! – размышлял он. – Что бы ни говорили, жизнь – это чудо!»

Послышался треск ветки. Дэв Медузов выполз на карачках из палатки, потянулся с хрустом и сел на складной ржавый стульчик.

Оглядев сонными глазами поляну, Медузов вытащил из кармана камуфляжных брюк противомикробный гель и протер огромные длинные руки, смазал ноздри оксолиновой мазью и зажевал таблетку от отравлений. Было известно, что в своих карманах Медузов хранил, помимо препаратов от микробов и вирусов, аптечку первой помощи, инструкцию первой помощи, бумажку с именем, резусом, группой крови, списком аллергий, адресом, телефонным

номером жены. Также в его бездонных карманах хранился набор фотографий рептилоидов и свисток от акул.

Он был весьма странным типом.

– Зачем вам все это? – вдруг спросил Дэв, поправляя серую кепку с высоким околышем, в которой походил на фрица. – Ну зачем плыть кругосветку? – Он раздвинул мясистые губы и расширил в умилении глаза. – Сделаем вид, что нам интересно, посидим на дорожку и домой. Объясните мне, зачем грести неделю по Волге? Там и течения нет, и опасно, если говорить честно. Я этого ну никак не понимаю, объясните.

Отец Миловидовой, Семен Анатольевич, худой высокий человек с обветренным русским лицом и ясными синими глазами, стругавший новую палку для костра, с насмешливой улыбкой глянул на Дэва, что-то пробормотал в седые усы и не ответил. Остальные, считая Миловидова лидером команды, промолчали.

– Женя, ты похож волосюшками на Роберта Ред-форда! – сказала Пелагея Медузова, ероша рукой густые длинные волосы Гриба, обросшего хуже Глызина. – Ты мой Редфордюшка!

Гриб и вправду походил на Редфорда, только был щуплым и маленьким и мог играть знаменитого «афериста» разве что в сценах, когда тот фотографируется на паспорт. Слова Пелагеи обидели его.

– Я, конечно, Редфордюшка, – ответил Гриб, подмигнув Федору, – но тот, кто научил тебя слову «волосюшки» и всем прочим твоим словечечкам, – болезненно завистливый человек и неудачник. – Он внимательно посмотрел на Пелагею и продолжил: – Кстати, если ты, как обычно, хочешь сказать: «не смей орать на меня», то знай, что слово «орать» – плохой маркер. Так говорят только несчастные жены барабанщиков и необразованные дуры. Прости, не помню, у тебя вроде был муж барабанщик?

– Ты свинячее хамло!

– Ладно, не забивай голову коннотациями! – ответил, улыбаясь, Гриб. – И вообще, почаще используй эвфемизмы! Например, «невоспитанный грубиян» – значение почти то же, а звучит гораздо приятнее. И мужчины, может, полюбят тебя!

Пелагея резко вскочила и пересела к Федору, прижавшись к нему бедром и плечом. Как бы в отместку Грибоедову, громко гоготавшему ей вслед, она стала ласковой с Федором, улыбалась ему, заводила светлые волосы за маленькое ухо, приближала к нему широкую скулу, смотрела на него красивыми блестящими глазами, в которых отражалось пламя костра. Федор шумно расправил речную лоцию и притворился читающим. Женя Грибоедов включил громче радио и сделал глаза, как у лемура.

– Мне ответят, зачем плыть? – спросил Медузов, пересчитывая на ладони мелочь.

– Зачем вообще что-то делать? – вспыхнул Федор.

– Глупо рисковать собой!

– А *вы сами-то* поплывете? – спросил Миловидов, подмигнув Федору.

– Конечно нет! – сказал Дэв, просветлев. – Я взрослый, разумный человек.

– Если нет, то лучше помолчать! – спокойно сказал Семен Анатольевич и посмотрел ясными глазами на Медузова.

Тот отвернулся, и Миловидов продолжил строгать дерево, с силой срезая большим охотничьим ножом боковые ветви.

Анна и Петр спорили все громче. Петр залез ложкой в котел с ухой и убеждал Миловидову, что в супе мало соли. Анна, изящно мотая головой и округлив честные глаза, доказывала ему, что каждый сам положит соли по вкусу. Мама Миловидовой, закончив нарезать сыр, минуту смотрела на Богомолова и принялась нарезать хлеб. Будущая теща Богомолова, прекрасная женщина, умела молчать; впрочем, будь на ее месте Недоумова, Петька заткнул бы Недоумовой рот.

– Нет, не солено, – сказал Петр, пробуя с ложки. – Не солено!

Богомоллов сбегал в палатку и насыпал в уху свою личную соль, которую не сдал в общий съестной баул. Попробовав еще раз, он кивнул и снял котелок с костра.

– Давайте поговорим о мужчинах, Дэв! – продолжил Семен Анатольевич, как бы объясняя свою резкость. – Я альпинист и часто слышу вопрос: «Зачем?» И я знаю, как отвечать таким, как вы. Никак! – Миловидов немного помолчал. – Люди, подобные вам, никогда не поймут тех, кто готов рисковать жизнью ради большой мечты. Зачем отмораживать пальцы, зачем страдать от отека мозга, зачем терпеть адскую боль и зачем умирать под лавиной? Разумного ответа нет, и мне лично непонятно, откуда в человеке есть свойство гробить себя. И все же люди, слабые хрупкие люди, люди с большим сердцем и горящими глазами, конечно, не такие разумные, как вы, Дэв, не будут задавать этот глупый вопрос, – говорил Миловидов, не отрывая спокойного взгляда от Медузова, – они будут пытаться! Эти люди, на радость таким, как вы, часто погибают, умирают в нищете, сходят с ума, остаются в одиночестве, но это титаны, на плечах которых держится наш мир, господин Медузов. Человечество не достигло бы и малой доли своего величия, если бы эти титаны задали вопрос «зачем?» – Миловидов долго смотрел на Дэва и молчал. – Первый шаг ребенка, сплав по реке и вершина – это одна история. Так что мы с вами, Дэв, из разных галактик и никогда не пойдем друг друга. Уважайте наши безумства и уж тем более мечтания молодых, пока они не расхотели. Извините, если обидел.

Федор Ребров бросил на Семена Анатольевича благодарный взгляд, чувствуя в нем близость своим ощущениям, которые еще не наполнились личным опытом и не осознались словами.

– *Вы* меня не обидите, – сказал Медузов заносчивым тоном, не глядя в глаза Миловидову. – Я только из-за дочери здесь, в этой дыре, Самаре. А вообще я из Москвы. Сын депутата, а не абы кто! Нечего тут мне с вами болтать.

Дэв встал с застрявшим на жирном заде стульчике, со звоном выбросил его и спрятался в палатке. Отец Анны проводил его насмешливым взглядом. Федор осторожно посмотрел на Пелагею, все еще сидящую рядом, и задумался о ее отце. Медузов был сыном депутата Верховного Совета СССР, говорил бархатным голосом, казался человеком представительным. Он умно размышлял на любую тему, однако удивил своими вассермановскими штанами с аптечкой и верой в рептилоидов. В то же время Медузов грубейше ошибался в вопросах, в которых Федор был специалистом, что заставляло сомневаться и в других его выводах. А теперь, по этой заносчивой, капризной, даже детской реакции на слова Семена Анатольевича, он казался совсем странным. «Кто же ты такой, Дэв Медузов?» – задал себе вопрос Федор.

Вернулся Илья Мягков, похожий в своей кепке-восьмиклинке на бирмингемского бандита. Подтянув клетчатые штаны, он уселся рядом с Миловидовым на пенек. Наблюдая, как альпинист обухом топора вбивает выструганную им палку вместо старой рогатины, Мягков сообщил, что байдарок в прокате не было, но были деревянные плоскодонки прошлого века.

Мама Миловидовой заколотила ложкой по тарелке, призывая всех к ужину.

22

Друзья и подруги, рассевшись в разных позах на бревнышки вокруг костра, ели уху. Слышалось, как Петр елозил ложкой по доньшку железной тарелки. Круг света позади спин обрывался, и все казалось черным. На небе, куда улетали огоньки из костра, высыпали звезды. Стало свежо. Лица людей от пламени казались желтыми.

Ребров съел пересоленный суп, имевший вкус Баренцева моря, и ушел в палатку переодеваться. Надев выцветшую до желтизны штормовку, он вернулся за Анной и застал у костра концовку спора, начавшегося несколько минут назад из-за невинного замечания Федора о пересоленном супе.

– Ради благих целей человек должен уметь принимать тяжелые решения, даже зная, что его не поймут, осудят и будут ненавидеть! – сказал Богомоллов, только что ощутивший на себе непонимание, осуждение и ненависть. Сам он тоже измучился, но изображал блаженство. – Президент, принимая решения, исходит из государственного интереса, непонятного большинству ввиду ограниченности видения. И что? Отказаться от нужных решений?

– Никакой государственный интерес не оправдывает пересоленного супа! – сказал с кислым видом Мягков, стряхивая в костер остатки ухи. – Все просто! Что неприятно тебе, не делай своему ближнему.

Все остальное – комментарии к этой мысли.

– А если ты ошибешься в своем государственном интересе, Петька, как ошибся с супом? – вмешался Миловидов, занятый тем, что разбавлял суп горячей водой. – Предашь друзей и ошибешься? Или не ошибешься, но победа будет Пиррова? Вся твоя политика – чушь, если погибают люди.

Петька продолжал спорить, а Федор осмотрелся. Пелагея с Беллой, поднеся ладошки к огню, грелись. Гриб, сморщив лицо,пил водку из железной фляжки. В те времена он уже много пил, но никто не обращал на это внимания. В темноте у дальней палатки Федор увидел Анну. Перешагнув несколько бревен, он подошел к ней.

Миловидова стояла к нему спиной, держа стопку железных тарелок, и говорила со своей мамой. В который раз он заметил, как дочь похожа на мать. Мама ее была тоже стройная, черноволосая, зеленоглазая, только чуть полноватая в лице. Они одинаково улыбались, похожим языком говорили и были очень милы. Мама ее, заметив Федора раньше, поспешно сказала, что сделает все сама, и с тревогой остановила на нем взгляд. Анна, с каким-то страхом в лице, резко обернулась. Почему-то все почувствовали, что он сделает предложение.

– А ты что думаешь, Федор? – вдруг донесся от костра голос Миловидова, возвращая его к разговору.

Федор с облегчением, что ему дана отсрочка, обернулся и увидел, что альпинист понимает все и улыбается. Ребров задумался, поглядев на костер. Он и всегда медленно думал, а от волнения совсем перестал соображать.

– Я как Ходжа Насреддин из того анекдота, – произнес он, когда все уже посчитали, что он промолчит, и принялись заниматься своими делами. – Помните, он соглашался с каждым, когда выслушивал его? Я думаю, надо всех любить. Остальное – комментарии.

Он взглянул, прищурившись, на компанию у костра. Вроде ответ вышел мудрым, но все промолчали. «Эх, сказал ни то ни се!» – подумал он и посмотрел на Анну. Она была так перепугана, что смотрела только на него, и скажи он ей прыгнуть с ним в обрыв – без сомнения прыгнула бы.

Федор, хорохорясь, обнял ее за талию и повел в палатку, перешагивая через белые веревки, но тут услышал кашель Петра и остановился поглядеть (на самом деле он боялся остаться с Анной наедине и был рад любой отсрочке). Петр, на забаву всем, поперхнулся своим

супом. Мама Анны, успевшая вернуться к костру, любовно похлопала его по спине, но Петр отстранился от ее руки и откашлялся.

Послышался низкий, приятный голос Пелагеи:

– Вы говорите о вершинах и мечтах, – сказала она, закручивая светлые волосы в пучок и оглядывая сидящих у костра красивыми серыми глазами. – А кто позаботится о нас, хрупких, слабых женщинах? Кто даст нам деньги, квартиру, заботу и любовь? Кто будет лелеять нас и обожать? У нас тоже есть права!

– Пелагея, дорогая, как дочитаешь учебник суфражисток-феминисток до раздела своих обязанностей, приходи ко мне, обсудим, – ответил Богомоллов и загоготал, довольный шуткой. – А так за что тебя любить? За красивые серые глаза? Или за чудо-маму?

Работать надо, и все будет!

– Ха-ха! Белла, вот возьмем тебя! – продолжала Пелагея, глядя с улыбкой на высокого тонкого Петра, скрючившегося на бревне напротив. Он своим пристальным взглядом, в зрелости ставшим убийственным, смотрел на нее и весело крутил усы. – Ты мечтала жить в Гадюкино, стирать рубашки в корыте и есть пересоленный суп? Я б сбежала от такого мужа!

– Изабелла, ты можешь сбежать прямо сейчас! – спокойно сказал Петр. – Может, хоть одиночество вправит тебе мозги!

– Щучу я Петя, щучу! – Пелагея грациозно потянулась и подошла к Богомоллову. Ладонями сжав его уши, она поцеловала его в темя, но он сбросил ее руки. Петька уже тогда не позволял никому трогать его голову. – Белла, ты же не приняла мои слова серьезно? – ласково пропела она своей подруге. – Потерпи, я верю, что Богомоллов станет великим... инквизитором!

Изабелла громко резко засмеялась, и все недоуменно посмотрели на нее.

23

Федор усмехнулся и увел Анну в палатку, в которой они вместе жили. Миловидова, по его указанию, исполнительно переделалась в темноте, мелькая белой спиной и острыми локтями, и через несколько минут посмотрела на него испуганными зелеными глазами. Она надела камуфляжные зеленые штаны, стянутые у щиколоток резинкой, и серую красивую водолазку.

Словно вспомнив что-то, она отцепила заколку и, быстро мотнув головой, распустила черные вьющиеся волосы. Федор, чувствуя приближение момента, храбрился и самоуверенно улыбался, но сердце его колотилось, как у мышки.

По белеющей в темноте тропе они шли довольно долго, и Федор мечтал, чтобы они шли так бесконечно. Тропа вывела их на высокий обрыв, за которым открылось небольшое озеро. Федор увидел заросший ползучим пыреем спуск и направился к нему. Держась за руки, они слезли с обрыва на пустынный пляж и, утопая в мягком песочке, подошли к самой воде, поражаясь красоте мест. Река немного волновалась, натягиваясь небольшими, почти плоскими бугорками, блестящими поверху. Изредка слышались всплески. Чернел другой берег, заросший редкими ивами. Федор и Анна посмотрели вверх, и у обоих возникло странное ощущение: они, молодые мужчина и женщина, как будто сидели на качелях, подвешенных к двум далеким ярким звездам, и раскачивались в немыслимо огромной полусфере черного сияющего космоса.

У Федора закружилась голова, и он повернулся к Анне.

– Твой отец вроде был резок с Медузовым, но мне понравился, – сказал Федор.

Он нашел крупный камень и забросил далеко в реку. Камень громко бултыхнулся в воду и утонул.

– В горах ложь равносильна смерти, отец всегда говорит прямо, – ответила Анна, очевидно передавая слова отца, ставшие теперь ее суждением. – Знаешь, многие относятся к делу жизни моего отца презрительно...

Анна замолчала, разглядывая лицо Федора. Она как будто раздумывала, стоит ли продолжать, словно боялась, что Федор тоже назовет дело ее отца бессмысленным или неловким выражением лица уничтожит то, что ей дорого.

– Отец был на вершине Эвереста, первый пролез К-2 по Западной стене, пытался покорить Канченджангу! – сказала она нерешительно, но, увидев округлившиеся глаза Федора, продолжала увереннее. – Ты знаешь, они не говорят слово «покорил», в нем много гордыни. «Гора как стояла миллионы лет, так и будет стоять, – считают альпинисты. – Можно покорить только себя!» – Она услышала еще всплеск от брошенного в воду камня и некоторое время крутила головой. – А еще он первым взошел на Лхоцзе Среднюю! – продолжила она, посмотрев на Федора. – Первым среди всех людей на планете! – сказала она, явно гордясь отцом. – А говорят, все открыто. Не все открыто! Во Вселенной гораздо больше черных дыр, чем может вообразить ослепленный гордыней человек.

Федор посмотрел вверх, на звезды, представляя, как Семен Анатольевич с ледорубом поднимается на маленький пятачок горной вершины. Под ним, далеко внизу, – облака, а над ним – огненный шар солнца. Федор не знал ни Лхоцзе, тем более Среднюю, не знал не только Западной, но и Восточной стены К-2, он вообще не знал, что такое К-2. Но прочувственный голос Анны вдохновил его.

– А я не уверен, что выбрал свой путь, – сказал он, повернувшись к Анне и опасаясь, что она неверно поймет и уничтожит дорогое ему. Он почему-то стеснялся говорить о самом сокровенном, как о неуместном. Но Миловидова спокойно смотрела в его глаза и все понимала правильно. – В юности я мечтал стать физиком, открыть сверхсветовую скорость и полететь в дальний космос! – продолжил он. – Может, ты не знаешь, мой дед со стороны мамы, Алексей Душевин, получил Нобелевскую премию по физике и всю жизнь пытался решить тот же

вопрос, до самой смерти. Пойми, мы погибнем, если не заселим другие планеты. – Он задумчиво посмотрел в глаза Анны. – В школе я считался одаренным, побеждал в олимпиадах по физике, но я испугался. Вместо того чтобы решить главный вопрос, я выбрал престижную профессию, нелегкую, интересную, но все же. Получается, что я хочу? Стабильную работу и денег побольше? Разве зарабатывание денег – единственное назначение дара под названием «жизнь»?

– Я думаю, лучше сразу идти навстречу своему самому большому страху, потому что это и есть твое предназначение, твоя мечта! – призналась Анна, глядя на него. – С годами будет только хуже. Либо ты имеешь смелость выбрать жизнь, какую ты хочешь, либо ты живешь жизнью, выбранной другими. Я мечтала стать балериной в детстве, ходила в хореографическую школу, а пошла на юриста и никогда не стану Анной Павловой. Я понимаю, о чем ты говоришь.

У Федора за спиной как будто выросли крылья.

– Давай помечтаем, – продолжила она, взяв его за обе руки и приблизив к себе. – Представь, мы с тобой будем путешествовать по миру, родим детей. Я буду крутой танцовщицей, ты – лысым физиком. А потом мы с тобой построим ракету, сядем в нее вместе с детьми и полетим к маленькой далекой звездочке! *Мы с тобой многое можем.*

Она доброжелательно улыбнулась, и взгляд ее наполнился такой любовью, что Федор, если бы кто попросил его, отдал бы жизнь только за то, чтобы Анна снова так посмотрела на него. Каждую секунду она открывала ему какую-то новую часть себя, приоткрывала свою тайну. Он вдруг ясно понял: перед ними сокровище.

«Мы с тобой многое можем!»

Федор попробовал на вкус эти слова и подумал: что-то важное упускалось им раньше. Раньше он всегда надеялся только на себя, он воспринимал себя самодостаточной единицей мира. Но тут он понял, что он не был единицей, а был лишь половинкой, лишь мужчиной, которому обязательно нужна женщина. Он понял, что если к его половинке добавить другую половинку, Анну Миловидову, то они станут единым целым, единицей мира, частицей Бога. У него захватило дух от открывшегося космоса, созданного их любовью.

– Я так люблю тебя, Анна! – сказал он.

– И я тебя люблю, Федор! – сказала она, глядя на него лучистыми глазами. – Знаешь, что папа говорит? Мужчина должен рисковать, покоряя Эверест, но не имеет права рисковать, выбирая женщину. – Она звонко засмеялась.

Одновременно они оба поняли, что она невольно намекнула ему о том страшном деле, которое называется «сделать предложение руки и сердца», и испугались. «Черт, когда я воображал себе эту сцену, все казалось легко, – подумал Федор. – Я же должен был все сделать, как Супермен!»

Он был так близко к Анне, что чувствовал тепло ее тела. Они держали друг друга за руки, стоило легонько потянуть, и Анна Миловидова прижалась бы к нему на всю жизнь. И фон был подходящий: река, звездное небо, ночь, тишина. Из-за черных деревьев долетал шум волн большой реки.

«Пора!» – сказал он себе, и сердце застучало быстрее. Как говорил Злой в фильме: «Если хочешь стрелять – стреляй, а не болтай». Но Федор много думал, много болтал и вел внутренние монологи. Он боялся. Анна тем временем смотрела на него, и в ее зеленых ясных глазах он видел свою голову, окруженную сферой звезд.

С любовью было все ясно. Оба они жили в состоянии влюбленности, радости друг от друга и каждую свободную минуту проводили вместе. Но вот что такое брак, Федор не понимал, брак ему казался чем-то сложным. «Ну какие из нас муж и жена? – думал он. – Мы так молоды и глупы, а это дело на всю жизнь! Надо составить план-схему, взвесить все pro и contra и сделать выбор раз и на всегда». Но Федор чувствовал, что с *ней* нужна была определенность, она была так воспитана. Он должен был закончить это дельце сейчас.

«Если не сейчас, то никогда, – вдруг подумал он. – Сейчас именно то время, о котором потом говорят, что надо все делать вовремя. Ведь судьба не дает второго шанса».

Федор смотрел в ясные глаза Анны, на ее приоткрытые губы, разглядывал ее белую кожу в темноте. Он мог протянуть руку, мог прижать к себе свое счастье, но застыл в опасной нерешительности.

«Все, сейчас я скажу ей: Анна, выходи за меня замуж», – решил он, а вместо этого потянул ее за руки и поднялся к тропе. Там она дернула его к себе, широко расширив глаза, но он поспешил, сам не понимая зачем, сказать ей: «Нет-нет, пойдем, уже поздно».

Анна с грустью и разочарованием посмотрела на него, быстро развернулась и ушла в лес. Он догнал и попытался обнять ее, но она отстранилась. «Завтра скажу!» – подумал Федор, и ему полегчало.

«Почему, ну почему я не сказал тогда? – размышлял Ребров много позже, когда в его жизни началась черная полоса. – Судьба буквально всовывала мне в объятия настоящее сокровище, а я испугался! Я мог просто догнать ее, разбудить ночью, мог сказать утром, мог... Похоже судьба обиделась, что я не взял туза, и решила подкинуть мне пиковую даму! Почему я всю жизнь боялся сделать правильный выбор?..»

24

Вечер на этом не кончился. С Женей Грибоедовым постоянно случались беды. Стоило с ним пойти в магазин, как Гриба, пока Федор стоял в очереди, избивали какие-то дети с нунчаками. Стоило взять его в театр, как в туалете у него отнимали свитер. Женя Грибоедов был из интеллигентной семьи, но, как часто бывает с такими юношами, не был приспособлен к жизни и злу, царящему в мире. Пока он мямлил про Маркса, ему давали в нос и отбирали кошелек.

Причиной всех бед Грибоедова были его убеждения. Он носил волосы до плеч, облегающие джинсы, футболку с кровавыми Cannibal Corpse, а на ухе его болтался крестик, который хотелось оторвать даже толерантному Федору. Женя Грибоедов называл себя металлистом. В центральных районах Москвы на него уже не обращали внимания, но были места на окраинах, где таких, как он, обычно избивали.

Когда Федор вышел на поляну, все уже спали в палатках, только Петр, вытянув ноги, сидел у костра и пилкой чистил ногти. На кольшках сушились кроссовки, босоножки и даже красные кеды Пелагеи. На веревке между деревьями болталась на ветру тельняшка Миловидова. За бревном, на котором устроился Петька, желтая тропинка уходила к основной дороге, где пьяные туристы распевали песни, и на этой тропинке стоял Женя Грибоедов в своем наряде металлиста и двое незнакомых мужчин.

Один – маленький, сильно плечистый мужчина с волевым лицом, одетый в грязную белую майку и спортивные зауженные треники моды девяностых. Второй – толстый огромный мужчина в красной рубаше, коротких брюках и лакированных черных туфлях на босу ногу. Голые мосластые щиколотки его светились в темноте. Плечистый и Толстый отобрали у Грибоедова радио. Федор знал, что Гриб не отступит, радио принадлежало его покойному отцу.

– Пойдем! – сказал Федор Петьке.

Богомоллов, обернувшись на Гриба, отрицательно покачал головой и продолжил чистить ногти. Федор с тревогой посмотрел на двоих здоровяков. Вообще, главным по разборкам был Мягков, но сейчас он болтал в палатке с Кирой. Федору и самому хотелось полежать в палатке, но надо было идти. Федор, вздыхая и морщась, подошел к Жене, неприятности которого имели свойство переходить на тех, кто пытался ему помочь.

Сам Федор, хотя физически был невероятно силен, обычно погашал редкие дерзости в отношении себя мягкими речами, но если агрессоры настаивали, то никогда не дрался и сам отдавал все свои деньги. Некоторые, еще в школе, поначалу презирали его, думая, что он убогий, но когда он однажды сломал обидчику шею только за то, что тот поцарапал логарифмическую линейку покойного дедушки, то презирать перестали. Правда, ему самому чуть не сломал шею отец, когда узнал, что Федор покалечил одноклассника.

После неуклюжего разговора Федор довольно быстро обнаружил себя лежащим на спине в кустах и блестящими глазами смотрящим на звезды. Неизвестно, чем бы все кончилось, но послышался треск веток. К Федору и Жене уверенно подошел широкоплечий высокий парень в раздутых клетчатых штанах и кепке-восьмиклинке. То был Мягков, услышавший из палатки шум потасовки.

Илья Мягков на самом деле был страшный человек. Поэтому и засмеялись студенты, когда старушенция с кафедры конституционного права погладила его по голове и назвала хорошим мальчиком. Он вовсе не был хорошим мальчиком. В юности он числился в люберецкой группировке, грабил квартиры и участвовал в драках с металлистами. Как и все люберы, он качался, занимался каратэ и мог указательным пальцем проломить доску. У него в комнате даже висел плакат Брюса Ли.

Мягков был преступником и шел прямой дорогой в тюрьму, если бы не произошло одно событие. Ближе к окончанию школы его отец, трижды судимый за грабеж бандит, местный

авторитет, человек суровый и смертельно опасный, вызвал его к себе в комнату (то был редкий месяц, когда отец находился на свободе) и объяснил, что сын должен найти другое занятие в жизни. Мягков, будучи хорошим сыном, поморщился, но послушал отца и после окончания школы поступил в Московский университет, где отрастил пушкинские бакенбарды, заужав закон и подружился с идеологическим врагом Женькой Грибоедовым. Но бандитские навыки не забыл.

Сила преступников в том, что с другими преступниками они умеют договариваться без драки и только иногда убивают друг друга. Плечистого поначалу смущали бакенбарды Мягкова, но по разговору и вежливым манерам он быстро признал в нем своего, пусть и странно-ватого («Ох уж эти москвичи»). Они пожали руки, стукнулись грудью, и радио было возвращено счастливому Грибу.

Неожиданно Толстый, до того молчавший, приблизил мясистое лицо к Мягкову и потребовал денег за аренду места. Мягков, не понимая, в чем причина самоуверенности и хамства толстяка, недоуменно уставился на него. Толстяку взгляд не понравился. Коротко замахнувшись, он толкнул Илью в грудь. Мягков, быстро восстановив равновесие, одним ударом в подбородок послал обидчика отдыхать на траву. А потом, переглянувшись с Плечистым, дал знак Федору уходить. Но тут Толстый, держась за лицо, поднялся.

– Милиция поселка Постромки! – закричал он и дрожащей рукой развернул удостоверение в коричневой корочке. В волнении он заговорил с «оканьем»: «п-о-селка П-о-стр-о-мки». – Только что произошло преступление! – кричал он и от крика становился еще увереннее. – Сопrotивление сотруднику милиции! Всех прошу пройти в отделение! Удавлю!

Задушу! Вы у меня попляшете, м-о-ск-о-ли!

Если Мягков по опыту догадался сразу, что милиционер будет выманивать денег, и размышлял, сколько запросит, то Федор с ужасом подумал, что всей его карьере конец, примерно представляя, на сколько светит «сопротивление сотруднику милиции».

И тут послышался громкий, уверенный голос.

Толстый с Плечистым вздрогнули.

Мягков с Ребровым удивленно воззрились на Грибоедова.

– Пракуратура Масквы! – пробасил Гиб и театрально выбросил откуда-то из кармана, словно револьвер, раскрытое удостоверение в красной корочке.

Оба мужчины недоверчиво всмотрелись в фотографию Жени в прокурорской форме и как будто уменьшились ростом. Женя, выпятив нижнюю губу, ногой в белом кеде уверенно встал на туфлю пухломордого и пытливо посмотрел в его маленькие глазки. Толстяк не отнимал ноги, пока сам Грибоедов не убрал свою, оставив пыльный след на лакированной туфле.

– Проедем в прокуратуру? – спросил Гиб официальным тоном.

Милиционер как-то неловко, не сразу попав в карман, сунул корочку в брюки, извинился и поклонился. Плечистый, стараясь не встречаться взглядом с Мягковым, подхватил друга, и они быстро ушли, сверкая в темноте белыми щиколотками.

– Панаехали тут! – крикнул им вослед Женя Грибоедов.

Совершенно счастливый, Женя сел на бревно и снова включил свое радио. Через минуту из него уже полились шаманские звуки язычкового варгана, и Бутусов запел «Тутанхамона»: «Если ты пьешь с ворами – опасайся за свой кошелек...»

– А как Гиб достал корочку, а? – сказал Федор. – Станиславский!

– Эх, ушло время честных драк! – сказал Мягков, махнув рукой Кире, с тревожным лицом наблюдавшей из палатки. – Корочки всякие, тьфу. – Он развернулся и увидел Петьку. – А ты чего не подошел?

– Что ж мне, «прокуратура Гадюкино» надо было сказать?

Покачав головой, Мягков ушел в палатку.

25

С утра все пошло наперекосяк. Вечером договорились сняться с лагеря в шесть утра. Никто слова не сказал против. Однако в двенадцать они были на том же пятачке в лесу, одурманенные запахами полыни и жужжанием шмелей. Солнце выжигало их головы ультрафиолетом. Мошкара тыркалась в зрачки, кузнечики подпрыгивали на три метра, словно пули в коробке. Друзья метались по лагерю и кричали друг на друга. Тонкий визг Недотроговой разлетался по всей Волге. Только альпинист Миловидов, изредка поглядывая то на одного, то на другого, спокойно сидел на рюкзаке, поставив одну ногу на бревно, и деловито стругал палочку.

Компания разделилась на две враждующие группировки. Родители Анны, Илья с Кирой, Федор с Анной и Недотрогова встали в пять, собрались, перекусили, убрали поляну от мусора и давно сидели на пухлых рюкзаках. Петька взял на себя роль «центра зла», Гриб с Пелагеей – равнодушного большинства, а Дэв Медузов – злобствующего эксперта.

Петька Богомоллов встал в десять. Сев на складной стульчик возле палатки, он неторопливо и скрупулезно обертывал вещи двойными мусорными мешками, раскладывал в определенном порядке свои шампуни, гели, кремы, аптечки, косметички, средства от комаров, средства для мытья посуды, сковороды, тарелки, ложки, прищепки для белья, веревки, зубочистки, мешочки с личными печеньками, солью, сахаром, перцем. Ему кричали, тыкали ему на часы, даже били. Он ни на кого не обращал внимания. Как позже выяснилось, он открыл один глаз в пять утра, решил, что кругосветка – глупая затея, и теперь никуда не торопился.

Невыспавшийся Грибоедов, готовый идти куда все, пару раз высовывал светлую голову из палатки, напоминал червяка в вязаном спальнике. Глядя на Петьку, он залезал обратно, а в одиннадцать вылез окончательно, с перекинутой через плечо маленькой, почти женской, истертой сумкой. Он жил моментом и ни к чему не готовился, вынуждая других думать за него. Федор с Ильей подошли собирать его палатку.

Через москитную сетку Федор увидел силуэт Пелагеи. Светловолосая широкоскулая нимфа с огромными серыми глазами изящно сидела на коричневом спальнике в белых трусах и растянутой майке в горошек. Она потянулась и начала расчесываться, наклонив голову набок. Пелагея была очень красива. Неожиданно она посмотрела на Федора и улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

В час дня на солнце, словно упырь, вылез из палатки Дэв Медузов. Поняв, что «все плохо», он довольно улыбнулся и потянулся. Намазав себя белым защитным кремом, он начал расхаживать по лагерю и разглагольствовать, местами тонко, местами умно, местами просто блестяще, о «состоянии текущего состояния и будущем состоянии состояния».

Федор в бессилии привалился спиной на рюкзак и закрыл глаза, как вдруг Гриб подстроил радио и послышалась *та* музыка.

Гитарный дисторшн Джексона.

Федор вспомнил клип, где юный Маколей Калкин улетает в стену от громкости, а Майкл Джексон танцует с Наоми Кэмпбелл. «Black or white». Зажигательная песня детства. Про то, что не важно, белый ты или черный. Петька ты или Редька. Про любовь.

«Черт, вот это была жизнь! – размышлял Федор с улыбкой позже. – Да, мы поссорились с Петькой, мы все утро ненавидели друг друга, но это были настоящие эмоции, настоящий драйв! Девушки были красотками, у парней горели глаза. Мне было двадцать один, а Пелагее всего девятнадцать. Мы ничего не понимали и не думали тогда, но жили полной жизнью!»

Потом они долго плелись до лодочной базы по желтой пыльной дороге, почти как та компания, что шла в Изумрудный город искать сердце, смелость и мозги. Богомоллов не имел сердца, Ребров – смелости, а Мягков, похоже, был без мозгов, но это неточно.

Светловолосая красавица Пелагея надела короткое белое платье в морском стиле, с голубыми полосками, и подол его время от времени подлетал от ветра до живота. Пелагея звонко смеялась и рукой прижимала подол к бедрам. Скоро она начала капризничать, но разве красивые девушки не имеют права капризничать? Виновным в ее мытарствах был назначен Грибоедов, Пелагея бранила беднягу, но Женя тайком выпивал, имел вид хитрого лиса и лез ко всем целоваться.

Анна, любимая Анна, вспотев, терпеливо несла маленький аккуратный рюкзак и смотрела лучистыми глазами на Федора.

Погода стояла душная, предгрозовая, тихая. Пахло так мощно, будто весь лес, вместе с клюквой, полынью и пыреем заварили в кастрюле, а людей ткнули туда лицом.

Богомоллов закинул сумку на плечо, спереди и сзади надел рюкзаки и едва нес. К жизни вряд ли можно подготовиться, но Петр, очевидно, собрался поспорить с этим, так много вещей он взял. Изабелла шла рядом. Она все-таки была очень доброй и хорошей девушкой, хотя и смеялась, как конь. На одном из мест передыха она вдруг взвалила на себя огромный рюкзак Богомоллова и побежала вперед, чуть оттягивая мускулистыми руками лямки от груди. Федор, шедший позади, разглядывал ее крупные икры, словно разделенные надвое шаровидными мышцами. Она выглядела деревенской девушкой, она и была из алтайских Куячей, где все детство помогала родителям по хозяйству. Пелагея зря морочила ей голову с неудобствами Гадюкино.

Изабелла всего лишь хотела помочь, но Петя накричал на нее и забрал рюкзак. «Может, и мне надо было так с самого первого дня? – позже думал Федор. – Богомоллов не давал своим женам шагу ступить без его согласия, и теперь он счастлив, с женой и детьми, а я иду в пустую квартиру».

В четыре, когда они встали у причала с лодками, а мозги кипели от жары, случился бунт. Петька отказался сплавляться Жигулевскую кругосветку и уведомил всех о своем решении плыть на другой берег Волги, а оттуда ехать домой. Пелагея поддержала его. Все посмотрели на Семена Анатольевича, сидевшего с насмешливым лицом на рюкзаке.

– Я наблюдал за всеми и вот что скажу, – спокойно сказал альпинист. – Что касается меня, то я с *ними* не поплыву ни кругосветку, ни на тот берег, и даже дорогу переходить откажусь! – Он поглядел ясными глазами на Федора. – Я имею в виду Петьку Богомоллова, Пелагею с Дэвом и Женьку. Они – балласт, а балласт тащить с собой в большое путешествие опасно!

«Почему он так резко сказал?» – удивился Федор.

– Первое, мы договорились плыть кругосветку, так? – продолжал Семен Анатольевич, загибая большой палец. – Как я могу доверять свою жизнь, жизнь моих близких тем, кто не держит слова? Представь, ты ждешь их в штурмовом лагере, без еды, а *они*, видите ли, передумали? Ты договорился лезть на вершину, понадеялся на них, а они передумали. Дал слово – держи! Второе! – Он загнул указательный палец. – *Они* не выдержали уже сейчас, а что будет, если задание усложнится и надо будет выгребать, выплывать, спасать друг друга и бороться с пиратами? – Он оглядел удивленные лица их компании. – И третье! Ваш Петька Богомоллов самодур, а самодурам не место в команде! Судя по вчерашнему супу, он довольно ограничен, но считает себя умнее всех и всех строит под себя. Он никого не слушает. Он неуправляем, непрозрачен и непрогнозируем. Он – обезьяна с гранатой. Как с ним плыть? Как договариваться? А если он ошибется? Из-за таких самодуров чаще всего и гибнут цивилизации. Что касается умника Медузова и алкоголика Грибоедова, я и говорить не буду, всем вам все ясно.

Дэв гулко рассмеялся, клоунски растягивая огромный рот.

– Ну мы же умные люди, Семен Анатольевич, что вы тут устроили представление? – сказал он, засунув руки в карманы. – Зачем тянуть тяжелую ношу, если можно не тянуть? Я же, помните, сразу говорил, что это глупая затея. Зачем вообще плыть?

Анна подошла к отцу и погладила его по плечу. Миловидов мягко отстранил руку дочери и встал. Все следили за его сухой, чуть сутулой фигурой. Однако он, словно не замечая никого, поднял с земли веточку, вновь уселся на место и охотничьим своим ножом начал ее строгать. Все переглянулись, не зная, что теперь делать.

– Федор, пойми, такие вопросы надо решать на берегу, – тихо продолжил Миловидов, так же неожиданно, как закончил. – Либо мы оставляем *балласт* и плывем кругосветку...

– Либо? – нетерпеливо спросил Федор.

– Мы возвращаемся домой, садимся в мягкие кресла и пьем кефир с сахаром.

Федор, конечно, хотел плыть, но что было делать с друзьями? Петька с Пелагеей, как ему казалось, ждали, что он возьмет их с собой. И еще эта оскорбительная формулировка «балласт». «Если б он не сказал так резко, все было бы проще», – подумал Федор и тут, оглядевшись, понял, что все зависит только от его решения. Грибоедову было все равно, а Мягков, в ответ на его взгляд, пожал плечами, передавая ему право решать. Все смотрели на Федора. «Миловидов прав в каждом слове, в каждом аргументе и наблюдении, – думал он. – Плюс у него опыт». Но принять логически вытекающее решение бросить товарищей он не решался, а ехать домой ему и вовсе не хотелось. Ему хотелось одного – поскорее плыть, с этим ли суровым человеком или без него, и чтоб все были счастливы. «Ох уж эти альпинисты, обжегшись на молоке, на воду дуют!» – подумал он.

– Я все же рискну! – сказал Федор. – Вы же сами говорили, надо попытаться.

Семен Анатольевич задумался на некоторое время, продолжая неторопливо работать над веточкой.

– Неправильное решение! – сказал он. – Имей в виду, я не пушу Анну.

Настроение и мнение Федора сразу переменялись. «Что же делать? – подумал он. – Я хочу быть с Анной! Ради кого и чего я буду делать то, что не хочу?»

– Ну папа, ты что? – возмутилась от неожиданности Анна. – Я хочу плыть с Федором.

– Поступки мужчины должны соответствовать его решениям. – Миловидов долгим взглядом смерил Федора, а Федор, поняв значение этого взгляда, опустил глаза. – Речь об опасности для жизни. Я не могу пустить дочь на смерть! – закончил Миловидов, разглядывая покрасневшие глаза Пелагеи. – Может, я забыл раньше это сказать, но горы – оправданный риск. Я никогда не пойду на вершину, не будучи уверенным в снаряжении и команде. Кто здесь безумец? – он закрутил головой по сторонам. – Точно не я!

Анна словно знала, что отца не переубедить, – опустив голову, она подбежала к матери и спрятала лицо у нее на груди. Мать Анны обняла ее и с упреком глянула на мужа.

– Но они утонут! – сказала она.

– Я никому не могу запретить тонуть, – сказал он и вздохнул. – Ну, все, пойдём на электричку, у меня спину продует.

Федор знал, что мог поменять решение и все бы его поняли, но он очень хотел переплыть Волгу. Ничего не говоря, он потащил волоком свой рюкзак по деревянному причалу к качающимся на воде лодкам. Старый лодочник, еще издали заметив его, отбросил сигарету и поднялся с пластикового стульчика. Анна плакала, словно овечка, которой выбрали смерть.

Альпинист был крутой мужик. Он пытался дать Федору урок смелости.

26

Надо сказать, альпинист боялся зря, они все выжили. Но ангелам-хранителям пришлось изо всех сил махать крыльями, вытаскивая каждого из них за плечи из той переделки, в которую они попали.

Пьяница Гриб благо разумно остался на берегу, и Федор сел в лодку со светловолосой красавицей Пелагеей в коротком платье. Она облокотилась на рюкзаки и рассматривала окрестности. Но лодка была тесной, и каждый раз, когда Федор делал гребок, белые коленки Пелагеи приближались к его глазам, и он чувствовал тонкий запах ее кожи.

Они договорились переплыть Волгу и причалить к поселку Солнечная поляна напротив, но Богомоллов вдруг прельстился далеким крестом на Монастырской горе и поплыл к Ширяеву. Им пришлось плыть следом. Петька никого не ждал и греб, как чемпион мира по гребле. Мягкова сильно снесло. Федор, заболтавшись с Пелагеей, отстал. Все они потеряли друг друга из виду.

Когда друзья были посередине огромной качающейся серой глади Волги и оба берега виднелись тонкой полоской, внезапно задул штормовой ветер, и на востоке появилась черная туча с проблесками вспышек внутри. Она быстро съела голубое небо над ними, и через несколько минут они были в аду. Настала ночь. Было холодно. Волны ходили с метр высотой. На их лодки падали кубометры воды. Молнии ослепляли их, а гром оглушал ужасом стихии.

Мягков с женой спаслись сами. Илья позже рассказывал, как Кира бешено вычерпывала воду, а он надорвал мышцы и стер ладони в кровь, выгребая к берегу. Богомоллов не справился. Пока он ссорился с женой, его лодка наполнилась водой, и все шампуни и гели, в двойных пакетиках, вместе с Петькой и Изабеллой пошли ко дну.

Федор боролся со стихией, выставляя плоскодонку навстречу волнам. Старые уключины выли, когда он табанил. В ногах бурлила вода. Наверное, он был похож на Посейдона. И вдруг Пелагея позвала его. Молнии сделали ее кожу синеватой, платье сбилось складками и прилипло к ее красивому телу. Пелагея наклонилась к Федору, расставив ступни в босоножках в борта. В вырезе платья была видна ее полная грудь. Пелагея притянула его руки к себе на бедра и мягкими ладонями обняла его голову. Она смотрела на него, и глаза ее светились. Федор повалил светловолосую широкоскулую красавицу на мокрые рюкзаки. Синяя молния пробилась черную тучу, и раздался оглушительный гром. Лодка вспыхнула пламенем, но им было все равно. Криворукий Амур поразил сердца маленького Федора и высокой красавицы Пелагеи стрелой любви.

Через некоторое время они лежали под штормовкой, прижавшись скулами, и глядели, как с черного неба на них падают капли. Лодка медленно тонула. Но ангелы, выдернув из пучины полуживых Петьку с Беллой, сквозь бурю летели к ним, размахивая исполинскими крыльями.

Федор испуганно приподнял голову, только когда о борт их лодки стукнулась моторная лодка, и сразу увидел большие красивые глаза Анны. Анны, бросившейся к нему на помощь, несмотря на запрет отца.

Их всех спас Миловидов.

Часть третья

27

Петр Богомоллов не был плохим парнем, как могло показаться. Нет. Друзья знали о нем больше других и уважали его. Петька родился в деревне Боброво на Северной Двине, с населением восемьдесят человек. Мама его умерла при родах. Отец был плугарь⁶, возможно, последний плугарь на планете и странный человек. Отличался его отец от прочих странных типов только тем, что желал сыну другой судьбы и отправил его в Московский университет.

Богомоллов явился в приемную комиссию в старых лохмотьях и калошах, с крестьянским мешком за спиной и одним паспортом в кармане. Он жил в общежитии на Литовском, окруженный горами «Доширака», работал в «Макдоналдсе», печатал фальшивые московские регистрации и никогда не жаловался. Да, он боялся, что какая-нибудь мелочь, типа драки на Мастрюковских озерах, раздавит его. Грибоедов, москвич, все имел и ленился, Петр был нищий, но пер к мечте, словно атомный ледокол «Таймыр». Да, он был бездушным типом, но у него не было мамы, самого дорогого человека в мире! Петька был несчастный человек, не знавший материнской любви. У кого-то убивали отцов, и из этих людей вырастали странные типы, у Петьки не было матери, и вырос Петька. Он просто не умел любить, но пытался как мог дружить.

Прошел июль, август, наступил сентябрь две тысячи пятого года. Изабелла бросила Петра и нашла себе египтянина. Петр женился на Анне. Мягков продолжал писать.

Они как-то встретились в дождь с Мягковым у чугунного фонаря на старом Арбате. Друг брел из музея-квартиры Пушкина в промокшем сером плаще, голодный, усталый, с воспаленными глазами. Шарф Мягкова был заношен и провонял потом.

– Monsieur, je ne mange pas six jours⁷, – пошутил Федор.

– Смейся-смейся, смерд, – возразил с улыбкой Мягков.

Они обнялись.

Федор уже носил поддельный галстук Giorgio Armani и важничал: его взяли вторым помощником младшего юрисконсульта в большой банк. Они сели в «Му-Му» рядом с памятником Окуджаве. Федор купил другу поесть. Илья, с жадностью съедая котлеты, рассказывал о тяжелой судьбе писателей в России.

– Ты не представляешь, как я хочу стать писателем! – говорил Илья, поглядывая на Федора безумными глазами. – Я встаю в пять утра и до ночи пишу роман. Когда я пишу, я забываю обо всем. Я не помню, мылся я или нет. Я нахожу стакан с холодным чаем и вспоминаю, что утром наливал себе чай. О, это сверхусилие делает меня другим. В эти дни я пишу лучше, я чувствую это! Я ходил к Пушкину, как в гости к другу. Мы на одной волне! Я теперь смотрю на мир иначе. – Он некоторое время молча жевал хлеб. – Я слышу, как скрипит дорожный знак на ветру. Я вижу, как отклеиваются пластыри от щиколоток наших модниц. Я чувствую, как по моей щеке стекает капля дождя. Я вижу души, стоит посмотреть людям в глаза. Это божеественно! У меня появился внутренний театр, я говорю сам с собой, я наливаю вино в фужер и произношу тост, я играю в жизнь писателя! Представляешь? – он взглянул на Федора. – Нет, конечно, ты не поймешь меня, дружище. Писатель обречен на одиночество!

– Да ты ведьма, Илья!

⁶ Пахарь на плуге. 11 1

⁷ Меся, я не ел шесть дней.

Федор позавидовал горящим глазам Мягкова: «Наверное, так же иногда сам Достоевский, разговаривая с братом, не замечал, что жует и чавкает одновременно».

– Так твой безумец-моряк доплыл до Австралии?

– Нет! – решительно ответил Илья. – Понимаешь, когда я дописываю до конца, я вырастаю как писатель – и мне не нравится начало. Я начинаю править начало – и мне перестает нравиться конец.

– Так надо себя остановить, дружище!

Они разошлись. Федор – на работу, в особняк обер-кригс-комиссара Романа Тургенева на старом Арбате, Илья – домой, в квартиру депутата Немезиды Кизулиной на Фотиевой. Мягков жил у тещи с тестем, интересным типом, что запирался в кабинете, раскрашивал матрешки и всегда молчал.

Мягков любил свою тещу очень недолго, потому что депутат, пусть даже глава комитета по семейной политике, детству и материнству, как-то выгнала его из квартиры «размышлять о поиске нормальной работы». Что с нее взять, старая женщина не представляла, как живут великие писатели. Илья переехал к Жене Грибоедову, благо тот жил через квартал. Позже это стало повторяться, писателя выгоняли и возвращали, преследовали и ссылали, даже пытали – освистыванием, и Федор, когда вызванивал Илью в баню, напрягал мозг, пытаясь вспомнить, выгнан Мягков в данный момент или нет.

Сам Федор переживал период мексиканской любви с Пелагеей. Он еще не был тем занудой, каким стал позже. Федор декламировал Блока и пел на французском Дассена, он цитировал Канта и комично изображал Брежнева. Вечерами они встречались у Патриарших прудов, садились на изогнутую скамеечку и с нежностью держались за руки. У Пелагеи были красивые глаза, широкие скулы и светлые прямые волосы. Федор получил свой небоскреб счастья и жил на верхнем этаже.

Иннокентий не был зачат в тот шторм. Судьба подстроила все так, чтоб Федор женился предупрежденным и не мог винить в своих бедах обстоятельства, начальника или правительство.

Когда Федор заезжал за Пелагеей на Энгельса, Недоумова еще иногда улыбалась, еще казалась лучшим другом. Да, он сразу заметил странную зависимость Пелагеи от матери. Что бы ни делала дочь – везде торчали ослиные уши ее матери: красивая девушка, как и она, все время говорила «мужичонки», «бабешки» и «любовнички»; все мечтала уничтожить русскую эстраду и варила отвары по рецептам из гримуаров⁸ папы Гонория (будущая теща, как выяснилось, увлекалась ворожбой и считала себя потомственной ведьмой). Федор, взяв на себя роль профессора Генри Хиггинса, неумело учил свою Элизу Дулиттл говорить правильно, боролся с человеконенавистничеством и отучал от мракобесия.

⁸ Книга заклинаний, молитв, рецептов и рекомендаций для мага и волшебника. 11 5

28

Был солнечный теплый день, один из последних перед долгими дождями той осени. За три часа до встречи с Пелагеей Федор сидел в маленьком светлом кабинете на втором этаже и набирал на компьютере юридическое заключение для руководства. Федор задумчиво смотрел на фонари старого Арбата, на блестящую под солнцем брусчатку и толпы людей со счастливыми лицами.

Была суббота, в банке остались только он и охранник. Федор решил так: «В будние я буду гнаться к успеху наравне с конкурентами, а в выходные обгонять их». Он глядел на маркированные его начальником абзацы в иске и надолго застывал перед открытым «Гарантом». Заемщик подписал кредитный договор и обвинял банк в завышенных комиссиях.

«Глупец! – Федор глянул в окно и вдали над толпой увидел светлую голову Пелагеи. – Согласен, комиссии написаны мелким шрифтом, но ведь это вопрос твоих денег. Вот же они, комиссии! – Федор взял лупу с десятикратным увеличением и, склоняясь низко над документом, различил цифры. – Зачем ты подписал договор не читая, дружище? Ведь ты мог отказаться, а теперь что? Теперь ты, как честный человек, обязан платить!»

Федор выглянул в окно. Одинокая бабушка пела романс и кружилась перед мешком для монет. Рядом сидел высокий старик в ковбойской шляпе и тренькал на странной гитаре с двумя грифами. Светловолосая высокая Пелагея уже шла мимо театра Вахтангова, ступая по Арбату словно модель по подиуму.

«В теории-то все просто, – размышлял Федор, вернувшись на свое место. – Хочешь жениться? Найди подходящую по характеру, внешности, весу, росту, цвету глаз и резус-фактору девушку, сделай SWOT-анализ ее плюсов и минусов, вынь все трупы из всех ее шкафов, изучи родословную до царя Моисея, и если она, та самая, нашлась, понравилась тебе и не пристукнула, то беги в ЗАГС».

Но Пелагея по одному параметру точно не подходила. Увидев Эриду Марковну Недоумову, любой доктор медицинских наук сказал бы: «Как можно быть таким глупцом, Федя? Открою тебе секрет: лучше ты найди самую падшую женщину, но с нормальной мамой, чем жениться на самой прекрасной в мире Пелагее, но с такой мамой, как Недоумова».

Он вновь взглянул на старый Арбат. Рядом с книжным развалом стояла Пелагея в красивом голубом платье и с улыбкой смотрела на Федора. Он почувствовал счастье и, покинув душный кабинет, выбежал на солнце. Обнявшись, он и Пелагея уехали на дачу в Переделкино знакомиться с родителями.

29

– Татьяна Алексеевна, как вкусно мясо по-французски! – сказал крупный Дэв, накалывая на вилку кусок сочного мяса и запивая вишневым компотом из прозрачного стакана. – И как дышится легко!

Все же деревянный дом чудесен и очень полезен!

Гости уже познакомились, обо всем стороннем переговорили, намеренно не касаясь молодых, и собрались уходить. Федор, улыбаясь, переглядывался с Пелагеей. Мама, невысокая женщина с густыми черными волосами и светло-кариими глазами, чуть кивнула головой Дэву, остановившись в широком стенном проеме между гостиной и кухней.

В небольшой гостиной, сложенной из огромных круглых сосен, было жарко и празднично. Пахло жареной картошкой и чесночным салатом. В огромном камине из красного кирпича трещали огнем березовые полешки. Отец изредка брал кочергу с лошадиной головой и ворошил угли.

Стену за спиной Недоумовой и Дэва занимал стеллаж с книгами и плоский телевизор. Позади отца стояло черное пианино с бюстом Бетховена, над пианино висела шкура рыси с зелеными глазами из органического стекла. Окна были задернуты белыми деревенскими занавесками.

– Ничего сложного, Дэв, – сказала мама. – Режешь мясо, режешь картошку дольками, пумс, – мама Федора любила это странное слово «пумс», – кладешь на противень. – Она свободной ширококостной крепкой рукой изображала, как режет дольками, как кладет на противень. – В духовку, сорок минут и готово.

Мама оглядела небольшой стол, накрытый белой ажурной скатертью и уставленный едой в чешском сервизе с ангелочками. Стояли две бутылки абхазского красного вина, сельдь под шубой, большая тарелка в форме зеленого листа с мясом по-французски, разные другие салаты и закуски, и серебряный поднос с белым свежим хлебом, намазанным сливочным маслом и красной, пахнущей морем икрой. Гости выпили чай, поели салаты, суп, второе, но Дэв своим низким бархатным голосом, немного капризно, попросил оставить на столе салаты и непрерывно накладывал себе то один, то другой, то хлеб с икрой, а то и вновь мяса, словно большой ребенок, выжидая момента, когда все отвернутся.

Федор, чувствуя, что даже думать о таком неприлично, ужаснулся его прожорливости и вновь подумал, что отец Пелагеи странный тип. Дэв был одет в коричневую, выцветшую на плечах, измятую рубашку, лопнувшую на локте. Отец Федора, Матвей Ребров, сидел во главе стола и в основном молчал.

Заметив, что вишневым компотом выпит, мама вернулась за пустым графином и ушла на кухню, имея в холодильнике на крайний случай жареные окорочка, а в подвале ряды собственноручно закатанных банок с компотами, вареньями и острыми аджиками.

Федор чувствовал себя с Пелагеей взрослым и рассказывал под веселый треск полешек о своей работе.

– Поймите, банк не берет людей, которые не хотят работать или разрушают коллектив, – говорил он, повторяя слова из кодекса корпоративных ценностей. – Эти люди тянут назад, а мы должны идти вперед. Основа успеха – культура людей. Культура уважения, доброжелательности, саморазвития. Вы должны решить, с кем вы – с прошлым или будущим? Мы вкладываем в образование...

Федор, чувствуя себя причастным чуть ли не к построению совершенного общества, вдохновенно говорил довольно долго, подсознательно желая заставить Недоумову хлопать ему. Будущая теща, когда он был у них в гостях, мучила его нравочениями о том, какие они были

комсомольцы, как хорошо было и как плохо стало, с таким наездом, словно лично Федор развалил страну.

– Скоринг! – вещал с блестящими глазами Федор. – Пятнадцать минут, и кредит выдан. Никакой очереди. Никакого унижения. Помнится...

Не подозревая, что ковыряет запаленный динамит, он рассказал, как с отцом регистрировал «Москвич-2141» в конце 80-х.

– А вот как было раньше! Мы приехали в пять утра, стояла толпа людей, мы заняли пять очередей, получили квитанции, – говорил он, – бегали в банк, стояли очередь там, возвратились, в окошках виднелись замученные вспотевшие люди, которые твердили: «Вас много, а я один». Три дня мы мучились! Сейчас все иначе. Мы новое поколение...

Эрида Марковна ела по чуть-чуть, говорила мало и мельком бросала взгляды на телевизор, на камин, на фотографию Матвея Реброва с первым президентом России, а еще раньше оглядела со всех сторон их двухэтажный домик из деревянных бревен (домик достался от бабушки со стороны мамы, Алексея Душевина, а ему – за мировые заслуги в области физики). Каждый раз Недоумова посылала мужу заговорщицкий взгляд победителя битвы экстрасенсов. «Сколько наворовал!» – говорили ее счастливые глаза. «Бедная женщина, – думал Федор. – Она не знает, как подешевели телевизоры и камины».

Эрида Марковна слушала Федора, охая и падая в обморок при каждом его слове. Она закатывала глаза и снова бросала взгляд на жующего и самодовольного Дэва. Она хорошо поняла все намеки Федора и несколько раз попыталась высказаться, но встречала строгий взгляд Пелагеи и умолкала.

И все же умение молчать не относилось к достоинствам старой больной женщины.

– Да что ты знаешь о жизни? – вдруг завизжала она, комкая салфетку. – Крашенные кадровички ищут таких, как ты, юных ухоженных мальчиков в костюмчиках, чтоб вы работали, а начальнички ваши, бездельники, на Канарах отдыхали, с любовницами! Твой зарабатывает на таких, как ты, миллионы, вот вся правда!

Пелагея пыталась успокоить мать, поглядывая с укором на Федора, которого просила не спорить с мамой, но Эрида Марковна, разорвав салфетку, бросила кусочки на тарелку и продолжила свой монолог. Федор начинал понимать, почему от красавицы все сбегали.

– Клиент дает откат твоему начальничку, а скопинг придумали для таких, как ты, наивных мальчиков! Вот в наше время...

Высказавшись, она сделала равнодушное лицо, отчего глаза ее закрылись, словно у подслеповатого крота, а рот застыл в неприятной клоунской улыбке. Федор, слушая просьбы красавицы, обычно молчал, но тут, в присутствии своих родителей, решил поспорить.

– Не скопинг, а скоринг! – снисходительно улыбаясь сказал он. – Но какой откат, если от моего начальника ничего не зависит? Скоринг – электронный алгоритм. И зачем давать откат, если покупаешь телефон? Вы не правы, Эрида Марковна. Взятка, как милая прелесть *вашей* культуры, – это аномалия. Наши дети вырастут другими, поверьте мне.

Недоумова захихикала. Федор выпил оставшийся чай, отставил стакан и посмотрел в полужакрытые глаза Недоумовой.

– А есть еще «Наполеон»? – пробасил Дэв, не вслушиваясь в разговор.

Мама, время от времени следившая, что кому еще положить, тут же встала и принесла воздушный белый торт, приготовленный ею.

– Вы говорите, начальник использует меня, – продолжал Федор. – А что плохого? Все честно, я работаю и получаю деньги. И какое мне дело, где и с кем отдыхает мой начальник? Какое мне дело, сколько он получает? Мое дело просто хорошо работать, жить своей жизнью и *другим* не мешать! – Он взглянул на отца, ожидая, скажет ли тот что-то, но отец внимательно слушал и молчал, ничем не выражая своего мнения. – Да и не бездельник мой начальник!

Федор вспомнил худого мужчину с холодными голубыми глазами и строгими губами.

– Какой вкусный торт! – перебил его Дэв, двумя пальцами заталкивая кусок в рот.

– Он читает мои опусы, учит меня бесплатно. Такой опыт бесценен! – сказал Федор громче, раздраженный тем, что Эрида Марковна его не слушает и не верит ни одному его слову. – Наш юридический департамент входит в десятку лучших в стране, по нашим договорам не было ни одного отказа в суде, и я могу назвать еще с десятков показателей. Вы все еще думаете, что мой начальник бездельник? – Федор говорил неприлично громко. – Почему вы так просто оскорбляете людей, которых не знаете?

Наступила тишина. Недоумова показательно отвернулась, вздернув нос, она не слушала его и не ответила ему. Федор, недовольный тем, что вышел из себя, замолчал и механически поднес пустой стакан ко рту, допив какие-то капли.

– Кому чаю? – сказала мама, доброжелательно улыбаясь Федору и Эриде Марковне.

– Мне-мне налейте, пожалуйста! – сказал Дэв, слизывая с большого пальца остатки крема.

Федор поднял стакан, стараясь не смотреть на Недоумову. Мама осторожно разлила чай из красного чайника, приговаривая «пумс», как только наливала полную чашку.

– Да, было много и хорошего в СССР, – неожиданно сказала мама. – Музыка, стройотряды, молодость. Да и сейчас хорошо, да Матвей? – Она обратилась к отцу, и тот иронично покачал головой и ничего не сказал. – «Не надо печалиться, вся жизнь впереди!», – запела тонким мелодичным голосом мама, точно попадая в ноты советского хита.

– Да я согласен, было хорошее! – честно ответил Федор и испуганно посмотрел на Пелагею. Она сидела с красным лицом. – Эрида Марковна, извините меня за резкий тон.

Пелагея пнула Недоумову под столом, и та, улыбаясь демонической улыбкой, помиловала Федора.

30

Неловкость была сглажена, и вечер первого знакомства медленно уходил в прошлое, оставляя в цифровой памяти отцовского «Никона» цветные фотографии гостей, улыбающихся за столом, на фоне шкуры рыси, и у камина. Пелагея в голубом платье получилась на фото особенно хорошо. Все, казалось, были счастливы, даже человек-зло прослезилась и громко сморкалась в огромный зеленый платок. Разговор затихал, Недоумова толкала мужа, намекая, что пора уходить.

Отец Федора был невысоким благородным стариком с ясными синими глазами и прямым крупным носом. Он выглядел моложавым и ухоженным, даже холеным, как и должен был выглядеть публичный человек, которого под лупой рассматривают такие люди, как Недоумова и Медузов. Блестящие седые волосы, немного выющиеся, были зачесаны назад, розоватые ногти на загорелых пальцах коротко стрижены. Белая рубашка его с расстегнутым воротником, хорошо выглаженная, казалось, хрустела от чистоты, бежевые брюки с ровными стрелками не имели ни пятнышка.

Матвей Захарович Ребров сидел на белом троне махараджи из слоновьей кости с прямой высокой спинкой и квадратным резным основанием. Это не значило, что отец его был дома царь, разве что на время чемпионата мира по футболу. Трон ему прислал с раскопок лучший друг, отец Жени Грибоедова. Когда Грибу было три годика, его отец и мать погибли под страшной лавиной в горах, и мальчик воспитывался бабушкой.

Слева от камина светлел широкий проем, за которым начиналась прихожая с вешалками и квадратным пуфиком. Недоумова, подхватив сумочку, обошла стол и ушла в прихожую. Сев на квадратный пуфик в прихожей, раскрасневшись и охая, она начала натягивать черный башмак, вставив указательный палец в узенькую щель между пяткой и задником башмака.

Матвей Ребров оперся на спинку стула, встал из-за стола, оправив складку на скатерти, и вышел в светлую прихожую к Недоумовой, где уже стояла мама с пакетом гостинцев. Дэв, поднимаясь со стула, положил в рот большой кусок мяса и спрятал в карман булочку. «Стоило уже тогда задуматься, – говорил себе Федор позже. – Тесть похоже был недоразвитым».

Федор встал у пианино, а Пелагея, оправив голубое платье, села рядом с ним на круглый крутящийся стул и обняла его за ноги.

У Федора, наблюдавшего за отцом, было нехорошее предчувствие. Пугала осторожность, несвойственная отцу при разговорах в тесных компаниях, пугало, что отец как-то слишком уж отстраненно своими ярко-синими глазами рассматривал гостей, словно не принимал их в ближний круг. Отец Федора двигал весь вечер сомкнутыми губами из стороны в сторону, что означало какую-то решительную мысль, какую он готовился высказать гостям.

Отец только пригубил немного вина, ел с аппетитом, но в общем разговоре участвовал осторожно и отделялся шутками, когда Недоумова спрашивала, кто с кем спит в Думе, есть ли хоть один не жулик, «а у Кобзона точно парик?».

«Странная женщина, – думал позже Федор, – могла бы спросить, где найти библиотеку в Думе, но нет, ее интересовали волосюшки, тьфу ты, парик Иосифа Кобзона. Черт, похоже и я заразился!» – думал он с улыбкой.

– Дэв! Перестань жрать, паскудинка, мы уходим, – запищала Недоумова тоном, не оставившим у Федора никаких сомнений, что Медузов подкаблучник.

Дэв громко заглотил последний кусок и кинулся, нервно дергая правой рукой, в прихожую. Сдернул и развернул изнанкой наружу зеленое пальто Недоумовой и застыл, готовый надеть его жене, как только она встанет. Федор заметил, что Пелагея стесняется своего дикого отца и неумело скрывает презрение. Она была всего лишь юная красивая девушка со стран-

ными родителями, что ей было делать? Федор почувствовал ее неловкость и приобнял. Она в ответ погладила его по спине.

– У всех мужья как мужья, а мой идиот! – хихикала Недоумова, вставая с пуфа. – Дэв, подай же мне пальто...

– Хватит верещать, курица.

Ушам Федора, привыкшим в этом доме к изысканным речам преподавателей консерваторий, ученых-физиков и профессоров филологии, стало больно, как стеклу, наверное, бывает больно, когда его царапают граблями.

31

– Матвей, а в две тысячи седьмом вы таки опять собираетесь стать депутатом? – спросила Недоумова.

– За что вы меня не любите? – с саркастической улыбкой переспросил отец, поправляя на стене квартальный календарь с городами мира, задетый спиной. – Баллотироваться я, может, и собираюсь, но вот пройду ли, зависит от вас.

– От нас? Ха-ха! – Недоумова направила лучистый взгляд на мужа. – От нас ничего не зависит! Все давно поделено наверху! Запомните, Матвей, и скажите президенту, что, если так будет продолжаться, мы начнем погромы! Дачи из соснового бруса, каминны из мрамора. Все ворованное у народа мы заберем и разделим поровну. Мы устроим революцию и вернем Союз.

«Перепутала кирпич с мрамором, – размышлял Федор, с улыбкой глядя в непроницаемое лицо отца. – Да эта женщина убедит себя в чем угодно».

– Напишите мне, что вас не устраивает, – сказал отец. – Или приходите, я сам запишу с ваших слов и все передам лично президенту.

– Бессмысленная трата времени.

– Странный вы человек, Эрида Марковна, – сказал отец. – Я, депутат Думы, готов выслушать вас. Я могу объяснить вам свою позицию, вы можете возразить, мы поговорим, придумаем решение и придем к президенту. Ну, не сразу, конечно, но такую встречу я вам гарантирую. А так... я даже не понимаю, за что вы хотите устроить погромы.

Недоумова фыркнула и повернулась удивленно к мужу. Дэв все еще держал в своих руках ее пальто. Медузов, как и многие подкаблучники, себя таковым не считал и на людях бравировал суперменством. «Хочу – вылезу из-под кровати, хочу – нет», – смеялся над ним Федор. Как бы раздумывая, надевать жене пальто или нет, он надолго засунул мизинец куда-то к дальнему зубу, оттянув вбок толстую красную губу и смотрел задумчиво на себя в зеркало. «Есть же какая-то причина, что он такой диковатый? – подумалось Федору. – Кто же ты такой, Дэв Медузов?»

Наконец зеленое пальто было надето, Пелагея вышла в прихожую, Дэв в кожаной затертой куртке уже встал в дверях, возвышаясь над всеми. Эрида Марковна поправляла волосы, глядя на себя в зеркало.

Крутясь перед овальным зеркалом, она наконец натянула на голову черную ретро-шляпу в виде колокольчика с розочкой на тесемке. В шляпе она была похожа на актрис немого кино с темными мешками под глазами. Недоумова расправила выбившиеся желтые колечки волос. Отошла назад, рассматривая себя с разных сторон, и вдруг, заморгав широко раскрытыми глазами, театральным жестом правой руки сдвинула шляпу налево. Затем кокетливо улыбнулась сама себе, повернула голову набок, спрятала подбородок в пышном черном шарфе и придала глазам искусственное, лучистое выражение, которое она считала самым лучшим для ее лица. Актриса из Недоумовой была хоть куда.

– А кем вы работаете, Дэв? – спросил отец как будто невзначай.

Матвей Ребров обманчиво несерьезно рассматривал свои тапочки с медвежьими ушками. Все замерли и устремили взгляд на огромного Дэва. Тот черной кепкой уперся в верхний косяк двери и растерянно скосил глаза на шляпу своей супруги.

– Он сын депутата! – ответила Эрида Марковна, растягивая слова. Мама Федора с упреком поглядела на отца и ушла на кухню. – Ну, до свиданья! – сказала Недоумова, но отец продолжил.

– Я знаю историю Дэва, – сказал он, взглянув ярко-синими глазами на Эриду Марковну и обнаружив, наконец, что знает больше, чем говорит. – Дэв, я вас спрашиваю, кем вы работаете?

– Да какая вам разница? – вновь вместо мужа ответила Недоумова, расширяя в раздражении глаза. – Молодые сами прекрасно разберутся, как им жить.

Дэв раскачивался на одном месте, глубоко вздыхал и ненормально молчал, опуская глаза, как только встречался со взглядом Реброва-старшего.

– Не будет ли любезен Дэв...

– *Мы окончили МГИМО!* – Недоумова театрально вытащила огромный носовой платок из кармана и громко высморкалась. – *Мы отдали жизнь «Газпрому»!*

Федор уже стоял у железного столбика деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, и никак не мог взять в толк, почему Дэв не отвечает прямо на вопрос.

– Работает Дэв... Работает! – сказала Недоумова недовольно. – В нефтяной сфере он работает. Теперь вы от нас отстанете?

Федор с успокоением дождался признания Недоумовой и взглянул на отца. Как Федор ни размышлял, он умом не мог понять, почему нельзя было сразу ответить на вопрос. Ему стало жаль трясущуюся, громко сморкающуюся Эриду Марковну, и одновременно Федор гордился тем, что отец добился от них ответа. Ребров решил взять на вооружение эту кажущуюся несерьезность, этот холодный взгляд, эту воинственную вежливость отца. Но, взглянув на него, он испуганно открыл рот. Отец ничуть не выглядел удовлетворенным, а напротив, хмурился, двигая сжатыми губами. Пелагея тоже испуганно смотрела на отца Федора. Все испуганно смотрели на него.

– Эрида Марковна, вы знаете, кто я. Поймите и вы мое желание узнать, кто вы, – твердым, но вежливым тоном сказал старший Ребров, не отпуская взгляда синих выпуклых глаз с Недоумовой. – Давайте сразу внесем полную ясность, как и полагается джентльменам. Еще раз позвольте задать вопрос: «Кем работает ваш муж?» В моем понимании «нефтяная сфера» – это не ответ на вопрос, уж простите меня. – Отец, как и Недоумова, говорил теперь о Дэве в третьем лице, словно его не было рядом. – Думаю, я сам виноват, что поставил вопрос некорректно, приношу свои извинения. Поясню. Мне интересно, на какой должности работает Дэв? Как называется компания? Я бы хотел получить ясные, точные ответы, если вы, конечно, не возражаете.

Недоумова локтем ткнула Дэва в живот.

– Акциями я немного торгую в домашней программе. – ответил Дэв и с ужасом посмотрел на старшего Реброва, боясь, что тот спросит что-то еще. Насколько расхлябанным и медлительным казался высокий толстый Дэв, настолько собранным и энергетически заряженным выглядел невысокий жилистый отец Федора.

– Давно вы работаете?

– Неделю. Да я уже перестал, не моего уровня тема. Вот думаю над...

Гости ушли. Федор из окна проследил, как светловолосая Пелагея с гордо поднятой головой прошла к такси и с непроницаемым лицом села в него.

32

– Зачем ты так строго с ними? – с упреком спросила мама, выходя из кухни в красном фартуке и обтирая полотенцем мокрую тарелку с розовыми ангелочками. Между кухней и прихожей был проем без двери, и мама все слышала. – Такие приятные. Нашего круга люди! Ты где?

Отец в это время, спрятавшись за белый трон махараджи, переделался в огромные широкие шорты, в которых его мускулистые загорелые ноги казались тоненькими, и натягивал через голову серую футболку. Поглядывая в прихожую, не видит ли мама, он сложил светлые брюки и повесил вместе с рубашкой на спинку трона. Мама каждый раз просила не оставлять в гостиной вещи, но отец ленился подниматься в спальню на второй этаж.

Федор уселся на стульчик у пианино и начал, как в детстве, крутиться в разные стороны. Вспоминая родителей Пелагеи, он вдруг впервые задумался, а какие люди его собственные родители. «Может, я сам не замечаю, насколько дремуча моя семья? – подумал он, слушая скрип стульчика. – Может, мои родители странные типчики, воображающие себя невесть кем?»

Поразмыслив, Федор решил, что родители его, если сравнивать с людьми из лучших домов Европы, люди, может, и странные, даже в некоторых вопросах отсталые, но добились они всего сами, зла никому не делали, а значит, он вполне может и дальше ими гордиться. Мама была дочкой московских ученых, окончила Московскую консерваторию и там же работала концертмейстером. Отец был сыном инженера металлургического завода и учительницы младших классов в маленьком уральском городе Аша. Он окончил Московский университет, преподавал там же историю и третий срок был депутатом Госдумы. Что бы там ни думала Недоумова, отец все заработал честно, счета в Швейцарии он не имел, и загорел он не в Альпах, а выкапывая на грядках картошку.

«Хотя Пелагея наверняка считает своих родителей образцовыми, кто знает – может, и я ничего не понимаю в жизни?» – подумал Федор.

Мама прервала его размышления.

– Зачем ты так строго, Матвей? – повторила мама, когда отец вышел в прихожую, стараясь прикрыть спиной трон со своими вещами.

– Да пойми, Таня, – сказал он, одновременно делая знак Федору, что хочет поговорить в кабинете наверху. – Вы, женщины, верите эмоциям, а мужчина должен думать. Вот нравится тебе Дэв, и ты подделываешь под это вывод, что он твоего круга. С чего ты взяла, что он твоего круга? Ты хочешь так думать, потому что он понравился тебе, а понравился, потому что хорошо ел и умно говорил. Помнишь, ты утверждала, что Гришка ужасный человек? – Он говорил про мужа старшей сестры Федора, которая давно жила в Нью-Йорке. – Он не поздоровался с тобой, и ты надумала плохое.

– Так он не поздоровался! – сказала уверенно мама, и отец усмехнулся.

– Он забыл надеть очки! Он забывчивый. А чтобы делать громкие выводы, нужно знать больше. Потом он подарил тебе цветы, и ты поменяла мнение. А потом еще и еще поменяла! – Отец вдруг сделал бесстрастное лицо. – Пока они не сбежали от тебя на другой континент!

– Чего это ты выдумываешь? – напала мама, уперев руки в боки. – Мы прекрасно жили вместе...

я всегда... почти всегда молчала!

Отец закивал, и оба они улынулись. Гриша и вправду уехал в Нью-Йорк только потому, что ему предложили работу, и теперь жил с сестрой Федора в Бруклине и воспитывал двух мальчишек. Но и мама Пелагеи, переживая за дочь, не всегда молчала.

– А надо думать логически! – продолжал отец свою мысль. Он заметил, что деревянный плинтус у стены отошел, нагнулся и рукой с силой прижал его, пальцем утопив вылезшие

шляпки гвоздей. – О чем я говорил? Ах да. Я не хочу, чтобы вопрос выбора жены определялся только эмоциями, хотя поверь, я так же, как ты, хочу видеть в этих людях хороших, порядочных людей, а Пелагея мне очень нравится. – Отец поднялся на две ступени, держась за черную трубу, вокруг которой вилась лестница, и говорил оттуда. – Дело не в строгости, а в вопросе моего ума: «Кто эти люди? Каковы их реакции на мои вопросы? Насколько они честны? Можно ли с ними говорить на одном языке? Смогу ли я с ними договориться?» Все это надо выяснить сейчас, на берегу, потом появятся дети и будет поздно. Вот я почему на тебе женился? Потому что ты дочь профессора Душевина и его жены, людей большого сердца и доброты!

– Хорошо, хорошо, – сказала примирительно мама и ушла на кухню. – Тебе-то очень повезло со мной! – послышался ее голос. – Но Дэв с таким аппетитом ел. Он не может быть плохим человеком!

– Федя, помнишь, что говорил Андрей Болконский? – сказал отец, выйдя на темный второй этаж и рукой привычно нащупывая выключатель. – «Никогда, никогда не женись, мой друг; вот тебе мой совет, не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно, а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись стариком, никуда не годным... А то пропадет все, что в тебе есть хорошего и высокого. Все истратится по мелочам»⁹. Вот почему я женился поздно и...

– Ты все видишь в мрачном свете! – крикнула с кухни мама (они любили переговариваться из разных комнат и этажей). – Помнишь Хайяма? В окно смотрели двое. Один увидел дождь и грязь, другой – весну и небо голубое.

– И как это ты все слышишь? – деланно разозлился отец.

⁹ Л. Н. Толстой. «Война и мир». 13 5

33

Федор с отцом зашли в маленький кабинет, интерьер которого напоминал экспозицию быта американских индейцев в Бруклинском музее. На потолке покачивалось березовое каноэ с Амазонки, со стены глядело чучело белоголового орлана, расправившего длинные черные крылья, под чучелом на стене отец развесил удэгейский охотничий костюм, спасший его в одиночном походе по тайге, на полу валялась груда камней из разных мест, ледоруб с оборванным темляком, деревянное весло, золотые кубки по десятиборью, отец не знал, куда их деть. По всем стенам были развешаны фотографии их семьи разных времен, фотографии отца с бородатыми геологами, на фоне пещер, раскопок, морей и снежных вершин. Матвей Ребров посмотрел мир, прежде чем женился.

Отец сел за дубовый, стертый посередине стол, за которым в Аше работал его отец Захар. Федор еще помнил, как дедушка, опустив яркую лампу и склонив крупный прямой нос, ставил логарифмическую линейку на белый ватман и остро наточенным карандашом аккуратно, с мягким шорохом чертил чертежи. Отец покрутил в руках чугунную статуэтку Дон Кихота и вдруг, ничего не сказав, ушел ставить баню, попросив дожждаться.

Федор, радуясь отсрочке разговора, оглядывал предметы, знакомые и любимые им с самых первых дней детства, когда он был высотой с кочергу и, сидя на пластмассовом горшке, мечтал о жизни на полную катушку. Только много позже он понял, что родители его были интересными сильными людьми, выдавшими сплавы, походы, стройотряды, пятилетки, перестройки, путчи, танки, деноминации и дефолты. Они теряли накопления, вновь накапливали, опять теряли и сумели сохранить теплое отношение к людям, безо всех этих насмешек и ненависти. Родители просто работали, шутили, смеялись, никогда не говорили о сложностях, и все получалось легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.